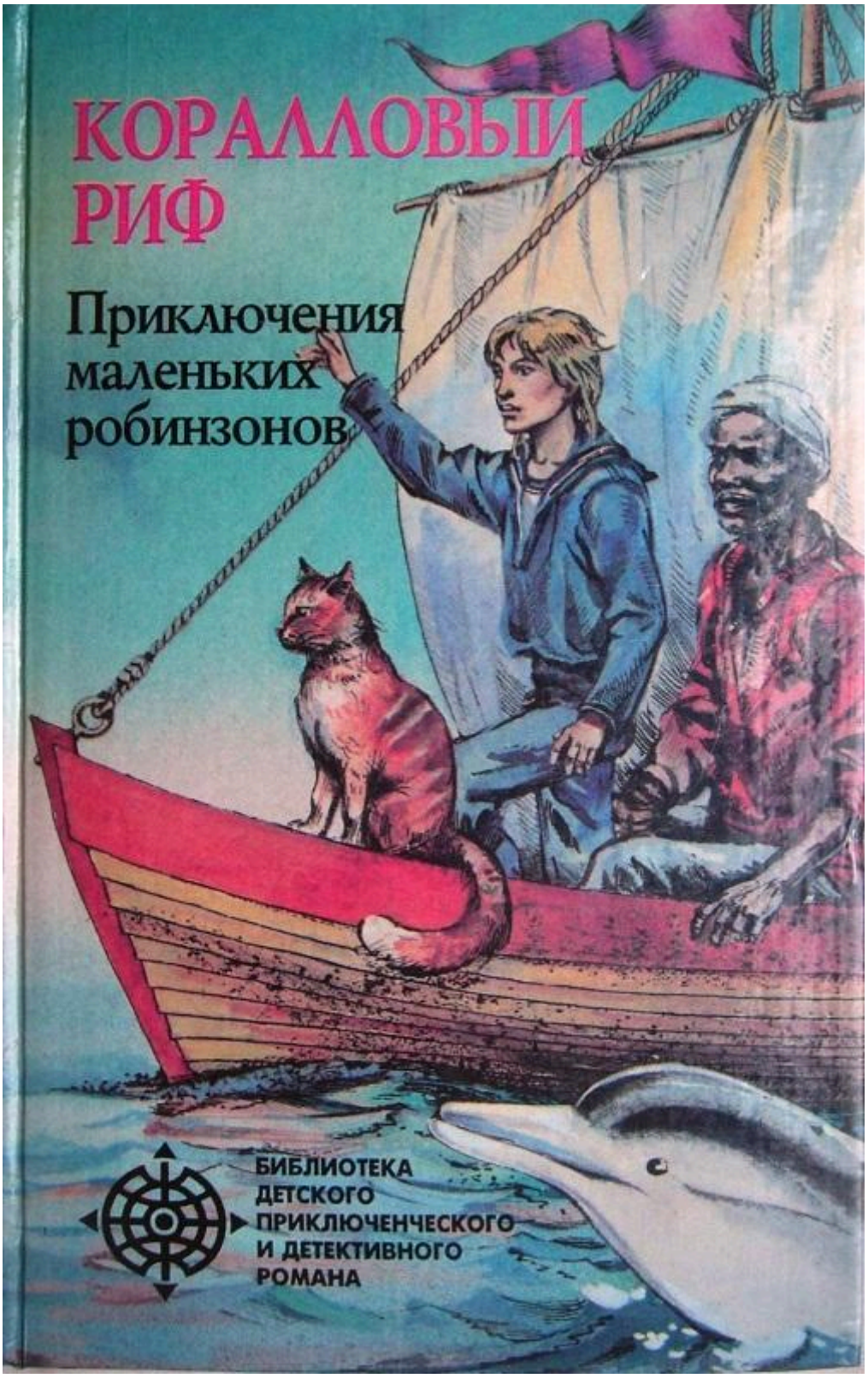
Теодор Тейлор
Theodore Taylor
(1921 – 2006 гг.).

Коралловый риф.
The Cay.
Повесть.
Пер. с англ. Прошуниной Д. М. (1995 г.).



Глава 1.

Немецкие подводные лодки всплыли глубокой ночью. Они появились бесшумно, будто голодные акулы, плавающие в темноте моря.

Я спал на втором этаже узкого зеленого дома с остроконечной крышей. В то время наша семья жила в городе Виллемстаде на острове Кюрасао, самом большом из принадлежащих Голландии островов у побережья Венесуэлы. Помню, что в ту безлунную ночь февраля 1942 года немецкие подводные лодки обстреляли нефтеперерабатывающий завод на

соседнем острове Аруба, к западу от нас. Потом взорвали шесть небольших нефтехранилищ на нашем острове. Из них по трубопроводу от озера Маракайбо сырая нефть поступала на завод, где делали дизельное топливо и керосин. На рассвете жители Виллемстада, высыпавшие на берег, заметили в море подводную лодку. Так что, когда я проснулся, в нашем городе, похожем на уголок старой Голландии, только без дамб и каналов и с домами, выкрашенными в розовый, голубой и зеленый цвета, царило страшное волнение. Я торопился поскорее кончить завтрак. Мне не терпелось сбегать в Пунду, деловой район города, и оттуда в форт Амстердам и посмотреть на море. Если бы я увидел в море вражескую подводную лодку, а мне так хотелось ее увидеть, я бы погрозил ей кулаком, как и остальные жители Виллемстада, собравшиеся на стенах форта. Мне совсем не было страшно, я просто очень волновался. Ведь о войне я стольку слышал, но никогда ее не видел. Уже три года весь мир был охвачен войной, а теперь она пришла и к нам, в теплое голубое Карибское море.

— « Филип, фашисты в конце концов напали и на наш остров, и сегодня в школе не будет занятий. Но ты не должен отходить далеко от дома. Понял»? — Это было первое, что сказала мне мать.

Я кивнул, но, конечно, не поверил, что снаряд подводной лодки попадет именно в меня, если я буду стоять на знаменитом понтонном мосту, или в бухте Святой Анны, или в порту, откуда танкеры возвращаются с дизельным топливом в Европу, в Балтийское море. Сгорая от нетерпения, я ждал, когда мама займется проверкой наших маскировочных штор, начнет наполнять кастрюли и кувшины свежей водой и смотреть, не надо ли пополнить запас продуктов. Воспользовавшись моментом, когда она ушла в кладовку, я удрал. Вместе с Хенриком ван Бовеном, моим другом голландцем, которому, как и мне, было одиннадцать лет, мы побежали в старый форт. Сколько раз с Хенриком и другими ребятами, когда мы были младше на несколько лет, я играл на стенах форта, воображая, что мы защищаем Виллемстад от пиратов или даже от англичан. Я уже давно знал, что какие-нибудь враги обязательно нападут на остров. А иногда мы играли в голландцев, которые готовятся сразиться с испанскими талионами. Такое случалось тоже. Во время игры мы так увлекались, что иногда видели, будто на горизонте появляются корабли с высокими мачтами.

Конечно, это были всего лишь убогие шхуны с драными парусами, которые шли из Венесуэлы, с Арубы или Бонэйры с грузом бананов, апельсинов, папайи, дынь или овощей. Но для нас это были настоящие корабли пиратов, и мы кричали и стреляли из игрушечных пистолетов в шумливых чернокожих парней. Они смеялись и делали в ответ: «пух-паф-пух!»

Форт с бойницами в высоких стенах, подходящих к самому морю, выглядел так, будто сошел с картинки в учебнике по истории. Долгие годы он охранял Виллемстад. Но в то утро он не походил на картинку. Вдоль стен стояли настоящие солдаты с настоящими ружьями, и мы увидели пулеметы. Мужчины с биноклями устанавливали их возле бойниц. У всех был мрачный, напряженный вид. Они прогнали нас, приказав идти домой. Но мы не пошли домой, а перебрались на знаменитый понтонный мост Королевы Эммы, перекинутый через канал, ведущий к огромной гавани Шоттегат. Мост построили на понтонах, которые расходились и пропускали корабли в гавань и из гавани. Мост связывал

районы Пунда и Отрабанда, что по-голландски означает «другая сторона», «другая часть города».
Обзор с моста, конечно, был хуже, чем со стен форта, но и тут толпились любопытные и смотрели в море. Канал был пуст, никакого движения, ни парусников, ни кораблей, что показалось мне очень странным. Паромы, перевозившие машины и людей из одной части города в другую, когда понтонный мост разводили, чтобы пропустить суда, тоже стояли пустые. Даже местные шхуны покачивались на якорях возле пирсов в самом канале, а чернокожие парни не смеялись и не кричали, как обычно.
— « Отец сказал, что от Арубы ничего не осталось, — сообщил Хенрик. — И знаешь, снаряды попали в «Святого Николаса», он стоял под погрузкой».
— « Все танкеры потоплены», — с важным видом добавил я, хотя и не знал, правда это или нет.
Но у Хенрика была раздражающая манера говорить таким тоном, будто он знает больше, чем остальные ребята, потому что у его отца связи в правительстве. На круглом, как блин, лице Хенрика торчал к небу вздернутый нос, соломенные волосы вечно падали на глаза, а щеки всегда были румяные. Хенрик очень серьезно относился ко всему, что бы ни делал или ни говорил.
Взглянув в сторону форта Амстердам, он тоном всезнайки произнес:
— « Держу пари, что сейчас там устанавливают пушки».
Самое безопасное пари.
— « Когда придет военный флот, с угрозой будет покончено», — уверенно заявил я.
— « Наш флот»? — спросил Хенрик. Он имел в виду военные корабли Нидерландов.
— « Нет, наш», — ответил я, конечно имея в виду американский.
Флот его маленькой страны был рассеян по морям мира, после того как нацисты захватили Голландию.
— «Наши корабли тоже придут», — спокойно сказал Хенрик, и я не стал спорить.
Все очень сочувствовали голландцам и огорчались, что нацисты оккупировали Голландию.
И в этот момент из грузовика выпрыгнул офицер и потребовал, чтобы все сейчас же ушли с моста королевы Эммы.
— « Вы что, не понимаете, они же в любой момент могут выпустить по мосту торпеду? Вас же всех убьет»! — почти что прорычал он.
Я снова взглянул на море. Оно было такое голубое и спокойное. Легкий ветерок шевелил воду, и белые гребни волн будто полосами исчертили поверхность. Почти прозрачные облака медленно проплывали над мостом. Но я не увидел привычного парада судов, потрепанных и новеньких, под флагами чуть ли не всех стран мира. Сегодня они не спешили в Шоттегат за нефтью и бензином и не пачкали густым дымом голубое небо. Сегодня море опустело, нигде не было видно ни единого парусника. Мы с Хенриком вдруг испугались и побежали домой в Шарлоо.
Наверное, от страха я сильно побледнел, потому что, когда я вошел в дом, мама, выглянув из кухни, тотчас же спросила, где я был.
— « В Пунде, — признался я. — Мы ходили туда с Хенриком».
Мама очень огорчилась, схватила меня за плечи и, глядя в лицо, сердито сказала:
— « Филип, я же тебя просила не ходить туда. На наш остров пришла война! Ты еще не понял»?

— « Мы хотели только посмотреть на подводные лодки», — объяснил я.
Мама притянула меня к себе и крепко прижала к своему худому телу. Она всегда так: минуту сердится, а через минуту уже обнимает.
Радио было включено, и диктор сообщил, что на взорванных нефтехранилищах погибло пятьдесят шесть человек и что губернатор островов, принадлежащих Нидерландам, обратился к Вашингтону с просьбой о помощи. Я понимал, что просить о помощи Амстердам нет смысла, и молча слушал скорбный голос, пока мама не протянула руку и не выключила радио.
— « Филип, тебе ничего не грозит, если ты будешь слушаться и делать, что я говорю, — наконец тихо произнесла она. — Не выходи сегодня больше из сада».
Мне показалось, что мама очень нервничает. Она всегда беспокоилась и ждала беды. Вечно боялась, что я упаду со стены форта в море, что свалюсь с дерева, что поранюсь перочинным ножом. У Хенрика была совсем другая мама. Она смеялась над нашими проделками и говорила: «Ох, мальчики, мальчики!»
Ближе к вечеру вернулся домой отец, его тоже звали Филип — Филип Энрайт. Отец работал на нефтеперерабатывающем заводе над программой увеличения производства авиационного топлива. Мама предупредила, что он пришел только на два часа и чтобы я не мучил его лишними вопросами. Отцу позвонили утром и предупредили, что фашисты могут попытаться обстрелять завод и нефтехранилища и что он должен помочь подготовить команду, которая будет бороться с огнем. Я никогда не видел его таким усталым и не стал задавать вопросов, хотя мне очень многое хотелось бы узнать. До прошлого года отец и я очень многое делали вместе. Рыбачили, ходили под парусом на маленьком катере, бродили по побережью вокруг бухты или просто вместе гуляли по окрестностям. Про деревья, птиц, рыб он знал почти все. Но последний год отец всегда был страшно занят. Даже в воскресенье он качал головой и говорил:
— « Прости, старина, мне очень жаль, но надо работать».
Когда отец допил свою пинту холодного датского пива (он каждый вечер, вернувшись домой, выпивал в гостиной пинту пива), я спросил:
— « Они будут стрелять в нас сегодня ночью»?
Отец мрачно взглянул на меня и ответил:
— « Не знаю, Филип. Могут. Маме и тебе сегодня ночью лучше спать внизу, а не на втором этаже. Я не думаю, что вам грозит опасность, но все же лучше перебраться вниз».
— « Сколько в море подводных лодок»? — Я считал, что подводные лодки ходят косяками, как рыбы. Может, их там несколько десятков. Мне хотелось сообщить Хенрику точное число, мол, мой отец тоже кое-что знает.
— « Это неизвестно, Филип, — отец покачал головой. — Должно быть, вокруг островов крутятся три. Ведь нападение они совершили с трех разных направлений».
— « Они пришли сюда из Германии? В такую даль»?
Отец кивнул.
— « Или с базы во Франции».
Отец стал набивать трубку.
— « А почему мы не можем пойти и победить их»?
Отец печально засмеялся и приставил свой длинный палец мне к груди.

— « А тебе бы так хотелось, правда? Но у нас, сынок, нет ничего, чтобы бороться с ними. Не можем же мы выйти в море на моторных лодках и стрелять из ружей».
Из кухни пришла мама и тут же сделала замечание:
— « Филип, я же предупреждала тебя, не мучай отца глупыми вопросами».
Отец удивленно посмотрел на нее. Он всегда отвечал на мои вопросы.
— « Он имеет право знать, Грейс. Он же тоже живет на этом острове».
— « Да, к сожалению». — Мама с укором посмотрела на отца, а потом на нас обоих.
Из разговоров взрослых я знал, что мама не хотела в конце 1939 года ехать на Кюрасао, но отец убедил ее, что он должен помогать бороться против нацизма, даже если Соединенные Штаты не участвуют в войне. Компания « Ройял Датч-Шелл» вроде как бы одолжила отца у его американской компании, потому что он считался главным специалистом в нефтепереработке и в производстве бензина. С первого взгляда маме не понравился остров, и она постоянно жаловалась на запах мазута и бензина, который наполнял город, когда затихали ветры. На Кюрасао было совсем не так, как в Виргинии, где отец отвечал за строительство нефтеперерабатывающего завода на берегу реки Элизабет. Там мы жили в маленьком белом доме, который стоял посреди акра земли, засаженного деревьями. Мама часто вспоминала тот дом, деревья, смену времен года — на Кюрасао всегда лето, — своих друзей и говорила, как хорошо и безопасно было жить в Виргинии.
— « Сейчас на земле нет места, где можно спокойно и безопасно жить», — так отец обычно отвечал на ее жалобы.
Я помнил, какое в Виргинии лето, и почему- то хорошо помнил светлячков и запах медоносных трав. Я помнил и зимы, когда поля становились коричневыми, а земля потрескивала под ногами. А больше ничего не помнил. Мне было всего семь лет, когда мы переехали на Кюрасао. Постепенно я стал понимать, что мама тоскует по Виргинии, где все говорят по-английски и никто по-голландски, где нет запаха бензина и мазута и где нет такого количества чернокожих людей. Все это время мама стояла в комнате, и между ней и папой будто преградой повисло холодное молчание. Последнее время такое случалось все чаще и чаще. Потом она повернулась и ушла в кухню.
— « А почему не пользуются самолетами и не бомбят подводные лодки»? — спросил я отца.
Он смотрел на дверь в кухню и не услышал меня. Я повторил свой вопрос.
— « Ах да, — отец вздохнул. — Ответ все тот же, Филип. Здесь нет ни одного боевого самолета. Сказать тебе правду? У нас вообще нет никакого оружия».

Глава 2.

Мы кончили обедать, когда уже совсем стемнело, и отец вышел во дворик, чтобы осмотреть дом. Он хотел убедиться, что наши маскировочные шторы не пропускают ни одной полоски света. Мама и я стояли у окон, а отец, если видел, что в щелку пробивается свет, кричал нам, где надо поправить. Он предупредил нас, что по приказу губернатора весь остров должен погрузиться в темноту, чтобы нигде не мелькнул свет. Потом он снова ушел на завод. Часов в девять я лег на кушетку внизу, но не мог заснуть, потому что все время думал о подводных лодках у берегов острова и об утонувших танкерах с босоногими китайцами на борту. Я не спал потому, что ждал — вот-вот подводные лодки начнут обстреливать Виллемстад. Потом я начал размышлять, а что будет, если нацисты высадят на острове солдат. Примерно в половине десятого я тихонько встал и пошел в

кладовку, где хранились инструменты, взял топор и положил его под кушетку. Это было единственное оружие, которое я сумел придумать для борьбы с врагом. Должно быть, часов в одиннадцать пришел с завода отец. Они с мамой разговаривали приглушенными голосами, но я все равно слышал каждое слово.
— « Оставаться здесь слишком опасно». — Это был голос матери.
— « Грейс, ты же знаешь, я не могу уехать», — ответил отец.
— « Хорошо, тогда Филип и я должны вернуться домой одни. Мы поедем в Норфолк и будем там ждать, пока пройдет опасность», — предложила мама.
Я сел на кушетку, не веря своим ушам.
Отец возразил:
— « Сейчас возвращаться в Америку еще более опасно, чем оставаться здесь. В особенности если вы полетите самолетом. Даже если они обстреляют остров, то не попадут в Шарлоо».
— « Ты же знаешь, что я не полечу, — резко запротестовала мама. — Я до смерти боюсь летать».
— « Поговорим об этом позже». — Голос отца прозвучал очень печально.
Я начал думать о том, что нам придется уехать с Кюрасао, и мне стало очень грустно. Я любил старый форт и веселых парней с местных шхун, деревенский рынок с квохтаньем цыплят и хрюканьем поросят, с криками и смехом чернокожих людей. Любил окрестности города с гигантскими кактусами, деревьями диви-диви, у которых ветки растут только с подветренной стороны ствола, и бесконечные песчаные пляжи. И я буду скучать без Хенрика ван Бовена. Еще я знал, что Хенрик и его мать подумают, что мы струсили, если мы уедем только потому, что несколько подводных лодок окружили Кюрасао. Почти всю ночь я так и не смог заснуть. Утром отец сказал, что команды китайцев с танкеров, которые подвозили сырую нефть к трубопроводам, отказываются работать, если им не обеспечат военный конвой. Еще он добавил, что через день-два завод, наверное, придется закрыть, а это значит, что бензин перестанет поступать в Англию или в африканскую пустыню к генералу Монтгомери, где англичане воюют с нацистами. В следующие семь дней ни один корабль не проплыл по каналу мимо моста королевы Эммы. Виллемстад словно замер. А жители очень гордились, что их маленькие острова Аруба и Кюрасао сейчас стали самыми важными островами в мире, от которых зависит победа или поражение в войне с нацистами. Все сердились на команды китайцев, отказавшихся работать, и на третий день отец сказал, что против них выдвинуто обвинение в мятеже.
— « Но, — добавил он, — ты, Филип, должен понимать, эти люди очень боятся, и те, кто сейчас обвиняет их, сами бы ни за что не согласились плавать на этих маленьких суденышках».
Отец объяснил мне, каково человеку, который везет полный трюм сырой нефти, знать, что снаряд или торпеда в секунду превратят танкер в пылающий факел. И хотя отец не был моряком, он добровольно взялся перевозить нефть. И очень скоро нам стало не хватать питьевой воды. В Нидерландской Вест-Индии, если нет штормов, выпадает очень мало дождей, а у воды в колодцах сильный солоноватый привкус. Большие танкеры из Соединенных Штатов или из Англии всегда привозили в качестве балласта пресную воду, ее снова дистиллировали, и потом мы могли ее пить. Но сейчас все большие танкеры стояли в своих портах и не могли подойти к острову, пока не уйдут подводные лодки. К

концу недели кончились и свежие овощи и фрукты, потому что владельцы и команды шхун тоже боялись подплывать к нам. Сейчас мама говорила только о подводных лодках, о нехватке воды и еды. Мне иногда казалось, что она даже рада, что теперь есть предлог наконец уехать с Кюрасао.

— « К нам не скоро придут корабли», — по секрету сказал мне отец, и он не ошибся. По-моему, было двадцать первое февраля, когда некоторые матросы китайцы согласились плавать по озеру Маракайбо. Но в тот же самый день недалеко от Кюрасао нацисты торпедировали норвежский танкер, идущий в Виллемстад. И страх снова навис над старым городом. Без нашего, я имею в виду американского, флота жители островов были совершенно беспомощны. Затем через день или два отец взял меня с собой в Шоттегат, где они заканчивали загрузку большого английского танкера. У него на носу и на корме стояли большие пулеметы, а в гавани я увидел несколько вооруженных судов. Хотя наступило время пассатов, от запаха нефти и мазута воздух в Шоттегате будто сгустился. У причалов, с высоко выступающими над водой корпусами, стояли другие пустые танкеры, ожидая приказа к отплытию, как только возьмут груз в трюмы. Моряки стояли на палубах, облокотившись на борта, и смотрели, как загружают английский танкер. Я тоже не сводил глаз с подрагивавших толстых шлангов, через которые накачивали бензин в цистерны танкера. Резкий запах висел в воздухе, и цистерны заполнялись доверху одна за одной. Когда рабочие перемещали шланги, они старались, чтобы ни одна капля не попала в море. Но это ничего не значило. В гавани было столько авиационного топлива, что опасность подстерегала со всех сторон. В полдень мы перешли в район Пунды и встали недалеко от понтонного моста. Танкер медленно выходил из бухты Святой Анны. Здесь собралось много народа, пришел даже губернатор, и мы все облегченно вздохнули, когда судно вышло из бухты и взяло курс на Англию, где королевские военно-воздушные силы ждали горючего. Одинокое путешествие танкера началось. На палубе корабля, покрашенного в белый цвет, но испещренного по всему корпусу полосами ржавчины, стояли моряки, махали нам руками и показывали пальцами V — знак победы (первая буква слова «победа», с которой оно пишется на многих европейских языках). Мы наблюдали, как катер лоцмана, который выводил танкер из гавани, развернулся и направился назад в Виллемстад, и уже собрались уходить, когда раздался страшный взрыв. Все застыли на месте и уставились на море. Большой английский танкер исчез за стеной красного пламени, и черный дым заволок небо.

— « Вон она», — простонал кто-то.

И все увидели примерно в миле за стеной пламени черный силуэт, еле выступавший из воды. Немецкая подводная лодка вынырнула на поверхность, чтобы посмотреть, как погибает подбитый ею корабль. Буксир и несколько маленьких моторных лодок заспешили к месту взрыва, чтобы подобрать уцелевших моряков. Но напрасно. Пламя не пощадило никого. Некоторые женщины громко рыдали, и я видел мужчин, в том числе и отца, которые не скрывали слез. Я не мог поверить, что всего часа два назад стоял на палубе этого танкера. Война больше не казалась мне волнующим приключением. Я начал понимать, что война — это смерть и разрушение.

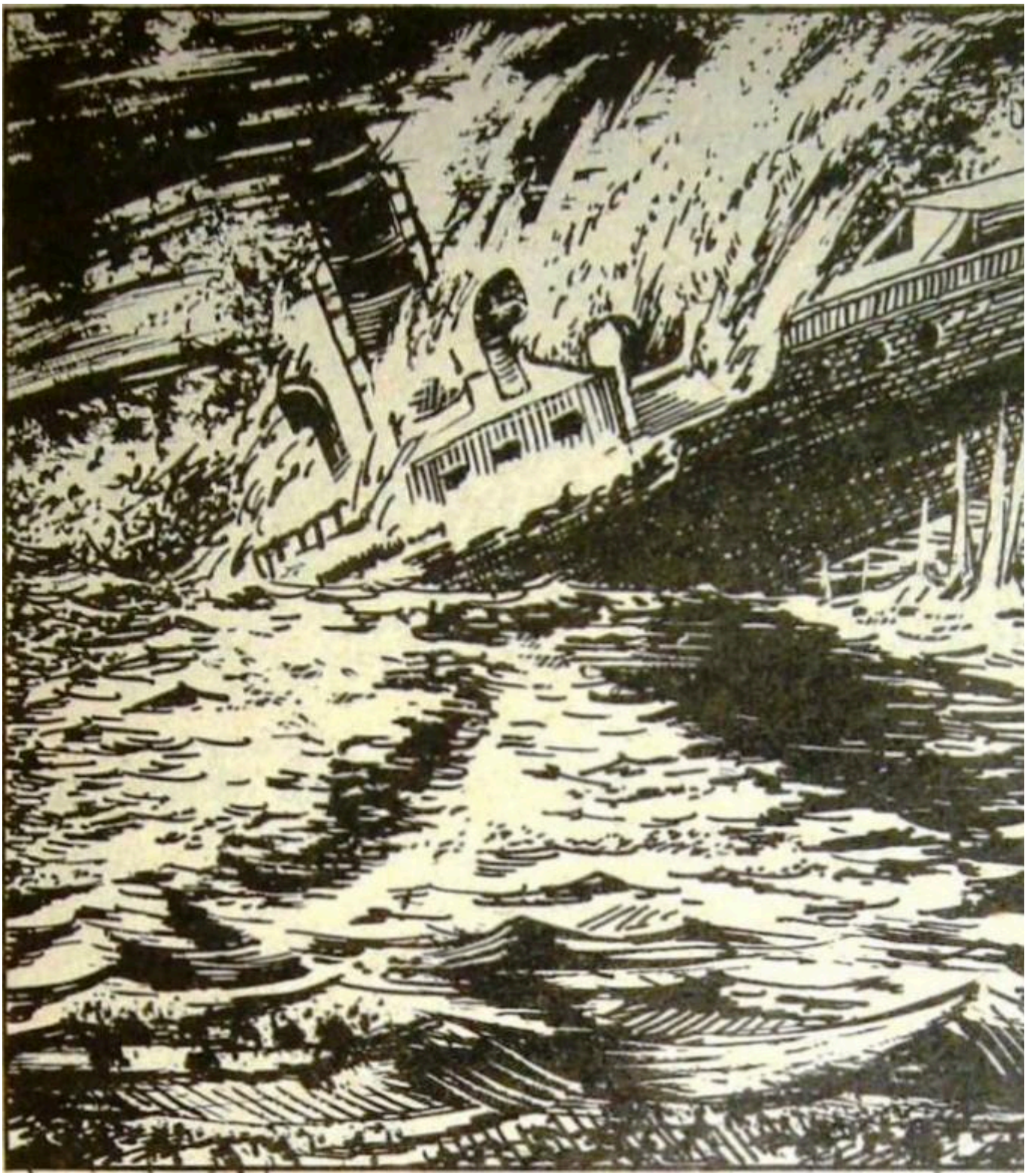
В тот же вечер мама объявила отцу:

— « Я забираю Филипа, и мы уезжаем в Норфолк».

Я понял, что она приняла решение и теперь ее не переубедить. Отец устал и был убит горем из-за гибели танкера. Он не стал спорить. Но помню, как он сказал:
— « Грейс, по-моему, ты совершаешь ошибку. Здесь в Шарлоо вы оба в полной безопасности».
До сих пор не понимаю, почему он просто не приказал ей остаться. Но отец был не такого сорта человек, чтобы навязывать другим свое мнение.
Весь март медленно тянулись солнечные дни и все еще темные ночи. В гавань снова начали приходить корабли, бросая вызов подводным лодкам. Некоторые из них погибали. Мы с Хенриком часто бегали в Пунду, чтобы посмотреть, как уходят в дальний путь танкеры и сухогрузы. Мы надеялись, что они благополучно прибудут в пункт назначения. Отец и мать больше не обсуждали наш отъезд, по крайней мере при мне. И когда прибыли два американских эсминца и голландский крейсер «Ван Кингэберген», чтобы защищать нефтехранилища на озере Маракайбо, я решил, что мама передумала, и мы никуда не поедем. Но получилось совсем не так. С прибытием военных кораблей она стала нервничать еще больше. В начале апреля утром она сказала:
— « Филип, отец наконец обеспечил нам возможность уехать, так что сегодня у тебя последний день в школе. Завтра мы начнем собирать вещи, а в пятницу на пароходе отправимся в Майами. Там мы пересядем на поезд и поедем в Норфолк».
Я почувствовал, как внутри у меня все оборвалось. Потом я рассердился и обвинил ее в трусости. Она велела мне идти в школу. Я сказал, что ненавижу ее. Весь день в школе я пытался придумать, что же мне сделать, чтобы не уезжать. Мелькнула мысль убежать куда-нибудь и спрятаться, пока пароход не уйдет в море и не скроется из вида. Но на таком маленьком острове, как Кюрасао, спрятаться негде. И кроме того, я знал, что, если убегу, мать устроит отцу страшный скандал. Вечером, когда он пришел домой, я сказал, что хотел бы остаться с ним. Он обнял меня за плечи своей длинной тонкой рукой и печально улыбнулся.
— « Нет, Филип, — возразил он, — по-моему, будет лучше, если ты поедешь с мамой. В такое время, как сейчас, я не смогу часто бывать дома».
Голос у него звучал очень грустно, хотя он старался сохранять бодрый вид. Отец стал объяснять мне, какая это радость — вернуться в Соединенные Штаты и как много я пропустил, пока жил на острове. Но я почти не слушал его и стал уговаривать маму остаться в Виллемстаде. Она очень обиделась на нас обоих, сказала, что мы ее не любим, и заплакала. В конце концов отец прекратил наши пререкания.
— « Филип, — твердо проговорил он, — решение принято. В пятницу ты уедешь вместе с мамой».
Мне пришлось с ее помощью собрать и сложить свои вещи, потом я попрощался с Хенриком и другими ребятами. Я объяснил им, что мы уезжаем ненадолго, только хотим навестить в Норфолке дедушку и бабушку, родителей мамы. Но в душе я чувствовал, что, наверное, пройдет очень много времени, прежде чем я снова увижу Кюрасао и отца. Рано утром в пятницу в бухте Святой Анны мы погрузились на маленький голландский грузовой пароход «Хато». Я и прежде часто видел его в бухте Святой Анны. Обычно он совершал регулярные рейсы из Виллемстада и Арубы в Панаму. Над палубами торчала высокая труба, из которой всегда шел черный густой дым. В нашей каюте на правой стороне парохода дверь открывалась прямо на шлюпочную палубу.

— « Ну, здесь, Филип, ты можешь спокойно отдыхать, — сказал отец, когда мы разместили вещи. — Немцы не станут тратить торпеду на это старое корыто».
Но я заметил, что через мое плечо он разглядывает шлюпки. Потом отец проверил огнетушители, размещенные на палубе. Я понял, что он очень встревожен. Кроме нас, на пароходе было еще восемь пассажиров, они все говорили родственникам «до свидания», как и мы с мамой говорили «до свидания» отцу. По традиции провожавшие принесли на борт вино и цветы.
— « Вы отправляетесь в путь почти совсем, как в старые мирные дни до войны», — говорили эти люди мне.
Отец улыбался и старался выглядеть очень веселым. Но когда «Хато» три раза пронзительно просвистел, — а это означало, что пора трогаться в путь, — он, стиснув зубы, попрощался с нами. Я повис на нем, и он долго не мог оторвать меня и наконец сказал:
— « Позаботься о маме, Филип».
Я пообещал позаботиться. Мы поплыли вдоль берега бухты Святой Анны, и мост королевы Эммы разошелся, чтобы пропустить пароход. Я смотрел сквозь слезы на форт, на старинные дома Пунды и на Отрабанду. Местные шхуны входили в бухту со стороны моря. Потом мать начала махать платком. Я посмотрел в ту сторону и увидел на стене форта Амстердам фигуру высокого человека, который махал нам рукой. Я понял, что это отец. Никогда не забуду эту высокую одинокую фигуру, стоявшую на стене над морем.
Пароход «Хато» вышел в открытое море и стал медленно набирать скорость. Мы повернули в сторону Панамы, потому что вначале надо было зайти туда, а потом уже плыть в Майами. На палубе стояли четыре огромных насоса, которые пароход должен был доставить в Колон, порт в Атлантическом океане у входа в Панамский канал. Я долго оставался на палубе, усевшись на дно шлюпки, и смотрел на уходящий вдаль остров. Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким и несчастным.
— « Уже пора зайти в каюту», — в конце концов не вытерпела мама.

Глава 3.



6 апреля 1942 года часа в три утра немецкая подводная лодка торпедировала наш пароход, через два дня после того, как мы вышли из порта Колон. Меня сбросило с верхней койки, и вдруг я обнаружил, что стою на полу на четвереньках. Мы слышали непрерывный гудок парохода, со всех сторон доносился скрежет будто раздираемого металла, и воздух казался наполненным криками. Весь пароход дрожал. У меня было такое чувство, словно мы стоим и постепенно погружаемся в воду. Мама действовала очень спокойно, совсем не так, как дома, когда слушала по радио сообщения о взорванных кораблях. Она одевалась и тихо отдавала мне приказы:

« Завяжи шнурки на ботинках. Надень шерстяной свитер и сверху кожаную куртку».
Она помогла мне надеть спасательный жилет, потом надела свой, и руки у нее не дрожали.
— « Теперь вспомни все, что нам говорили о том, как покидать корабль», — распорядилась она. Офицеры каждый день учили нас, как уходить с тонущего судна.
И в этот момент раздался еще один сильный взрыв. Нас швырнуло на дверь каюты, которая не была заперта. Каждый вечер стюарды обходили пассажиров и предупреждали, что дверь нельзя запирать, иначе при взрыве ее может заклинить. Мы толкнули дверь и вышли на шлюпочную палубу, которая уже начала подниматься вверх. Все вокруг светилось ярко-красным светом, и стоял невообразимый треск от горящего дерева. Кормовая часть парохода была охвачена пламенем. На нашей палубе матросы спускали на воду спасательные шлюпки. Паровые котлы взорвались, и пар с шумом вырывался в воздух. Жар стоял такой, что мы моментально взмокли. Когда все спасательные шлюпки были спущены, капитан сошел с мостика. Невысокий человек с вьющимися седыми волосами, он действовал так, как, я бы сказал, должны действовать капитаны. Он стоял на нашей палубе, окруженный пламенем, но совершенно невозмутимый, и отдавал приказы команде. Капитан держал в руке небольшой чемоданчик и навигационный прибор. Я знал, что это секстант. Другая сторона парохода и палуба, на которой тоже были спасательные шлюпки, уже погрузилась в воду. Недалеко от нас два матроса топорами рубили канаты, и два спасательных плота плюхнулись в воду.
— « Пассажиры в лодки! Быстрее»! — крикнул капитан.
В трюмах загорелись бочки со смазочными маслами и начали взрываться. Но до небольшого участка на носу парохода огонь еще не дошел.
Матрос схватил за руку маму и помог ей прыгнуть в шлюпку. Потом я почувствовал, как сильные руки подняли меня в воздух и передали матросу в шлюпке. Другим пассажирам тоже помогли влезть в лодки, и кто-то закричал: «Шлюпки в сторону»!
В этот момент «Хато» начал тяжело крениться набок, что-то случилось, и шлюпка перевернулась. Нос глубоко ушел в воду, и следующее, что я помню, мы все оказались в воде. Я увидел недалеко маму и позвал ее. Потом вдруг что-то ударило меня сверху. Много времени спустя (через четыре часа, как мне позже сказали) я открыл глаза и увидел над головой голубое небо. Оно качалось, вверх-вниз, вверх-вниз, и я слышал плеск воды. Голова у меня ужасно болела. Я закрыл глаза и подумал, что, наверно, мне снится сон. Потом незнакомый голос произнес:
— « Как ты себя чувствуешь, молодой мистер»?
Я повернул голову и увидел очень старого негра, сидевшего на плоту недалеко от меня. Он был такой уродливый, будто его загримировали для страшной сказки. Плоский нос и широкое лицо, а голова покрыта шапкой седых мелко вьющихся волос. Наверное, целую минуту я не мог сообразить, где я и кто он. Потом вспомнил, что видел его, когда он мыл палубу «Хато». Я огляделся, надеясь увидеть маму, но на плоту больше никого не было. Только этот огромный негр, я и большой черно-серый кот, который вылизывал себе лапу.
— « Молодой мистер, ты получил вопиющий удар по голове. Большой черный осколок стукнул тебя по затылку, а я выловил тебя в море, понимаешь? На этот плот, понимаешь»?
Он подполз ко мне. Трудно вообразить лицо чернее и зубы белее. Они будто алебастр блестели у него во рту, а его красно-лиловые губы лежали на зубах, словно мясо на белой эмали кухонной раковины. По левой щеке тянулся длинный рубец, похожий на шрам. Я

догадался, что он уроженец Антильских островов. Я видел много их в Виллемстаде, но ни разу не видел такого огромного человека, как он. Я сел и спросил:
— « Где мы? Где моя мама»?
Негр нахмурился и покачал головой.
— « Я верю, что твоя мать в безопасности. Это правда. Плывет где-то на таком же плоту, как этот. Или, может быть, ее тоже выловили в море и посадили в лодку. Я верю, что это правда».
Потом он улыбнулся, и его лицо стало не таким ужасающим.
— « Что же касается нашего местонахождения, то я могу только догадываться. По-моему, мы где-то недалеко от рифов, где-то, может быть, на пятнадцатой широте и на восьмидесятой долготе. Мы как раз проходили их, когда эта предательская торпеда расколола пароход. Через две минуты, как мы прошли восьмидесятую долготу. Я еще раз огляделся. Ничего, пустота. Только голубое море да кое-где полоски оранжево-коричневых водорослей. Никаких следов «Хато», ни других плотов, ни лодок. Только море и какие-то птицы, парившие над водой. Пустынное море, и резкая боль в голове, и понимание того, что я один с этим безобразным негром вместо мамы. Я расплакался. Дав мне немного поплакать, чернокожий человек посмотрел на меня воспаленными глазами и снова заговорил:
— « Сейчас, молодой мистер, я думаю, что мне надо бы представиться тебе. Меня зовут Тимоти, но, о-ох-ох, какая от этого будет польза, ты не знаешь? Я тоже не знаю. — Голос у него был густой, с переливами, мягкий и музыкальный, слова ложились, как бархат. Мне стало немного легче, но голова по- прежнему болела нестерпимо. — А это Стью, — он кивнул на кота. — Кот нашего кока. Он взобрался на плот, а у меня не хватило духа его сбросить. — Стью все еще деловито вылизывался. — Он весь в мазуте, потому что вся вода — сплошной мазут».
Я разглядывал чернокожего человека. Он был ужасно старый, но выглядел очень сильным. Мышцы, будто корневища эбенового дерева, выпирали на руках и плечах. Грудь широкая, а шея размером со ствол небольшого дерева. Я посмотрел на его руки и ступни. Кожа грубая, потрескавшаяся, морщинистая от возраста и от работы босиком на горячих палубах шхун и пароходов. Он заметил, что я его изучаю, и ласково предложил: — Ложись, молодой мистер, положи голову и отдохни еще немного. Не смотри прямо на солнце. Оно слишком палит. Меня начало тошнить, и я подполз к краю плота. Он встал на колени рядом со мной и поддерживал мою голову своими огромными, похожими на гигантскую раковину руками. В этот момент не имело значения, что он черный и уродливый. А он бормотал:
— « Это хорошо, это хорошо».
Когда рвота кончилась, он помог мне вернуться на середину плота, приговаривая:
— « Это самое естественное, что ты мог сделать. Это от удара. Удар — это самое вопиющее, что случилось».
Потом я лежал и смотрел, как он своими сильными руками оторвал доски от внешних краев плота, расколол их на планки и сделал два треугольника, а их основания закрепил в щелях между досками плота. Потом он стянул с себя штаны и рубашку и потребовал мои тоже. Не знаю, куда делась моя кожаная куртка и шерстяной свитер. А у нас вскоре

получилось шаткое убежище от палящего солнца. Он залез под навес, расположился рядом со мной и улыбнулся.
— « Нам очень повезло, молодой мистер, редкая удача. Когда плот спустили в море, его не захлестнуло водой, и у нас теперь есть печенье, немного шоколада и сухие спички в консервной банке. Так что нам очень повезло, молодой мистер», — и он опять улыбнулся.
Я не считал, что нам так уж повезло. Я думал о маме, которая сидит в другой лодке или на другом плоту и не знает, что со мной. Я думал об отце, оставшемся в Виллемстаде. Самое ужасное, что я не могу сообщить ему, где я. Он уже через несколько часов послал бы за мной и корабли и самолеты. Наверно, огромный негр заметил, что наша редкая удача не порадовала меня.
— « Не отчаивайся, молодой мистер, — ласково заговорил он. — Кто-нибудь выловит нас из моря. Этим путем ходит много шхун, и тут дорога больших кораблей на Ямайку и на другие острова».
Немного спустя, убаюканный покачиванием и мягкими всплесками волн о пустые бочки под плотом, я снова уснул. Я ужасно устал, и голова все еще болела. Осколок обгорелого металла, наверное, сильно ударил меня по левой стороне головы. Когда я в следующий раз проснулся, время шло к вечеру. Солнце уже спускалось к морю, и ветер стал холоднее. Но мне все равно было страшно жарко, а голова болела еще сильнее. Негр сидел спиной ко мне и что-то напевал. Его огромная спина, будто черная стена, высилась рядом со мной, и я заметил на плече страшный шрам.
— « Как вас зовут»? — спросил я.
Услышав мой голос, он обернулся и ухмыльнулся во все лицо.
— « Ох, наконец-то ты вернулся. А то мне было так одиноко все эти долгие часы».
— « Как вас зовут»? — повторил я.
— « Мое имя? Тимоти»!
— « Как ваше полное имя»?
— « У меня только одно имя. Тимоти», — засмеялся он.
— « Тимоти, меня зовут Филип Энрайт».
Отец учил меня, если я обращаюсь к взрослым, никогда не забывать слово «мистер». Но Тимоти вроде бы не выглядел мистером. И к тому же он был черным.
— « Я знал одного Филипа, рыбака из Сен-Джона, ох и горячий был человек».
И Тимоти засмеялся каким-то своим воспоминаниям. Я попросил у него воды. Он согласно кивнул, приговаривая:
« Солнце такое жаркое, такое жаркое».
Потом поднял доску в полу плота, прикрепленную на петлях, и достал бочонок около двух футов высотой. К нему была привязана крошечная кружечка. Большой негр осторожно, чтобы не пролить ни капли, налил неполную кружку воды.
— « Лучшее дело — выпить немножко воды. Только смочить язык, и хватит», — сказал он, протягивая мне кружку.
— « Почему? — спросил я. — Ведь бочонок большой».
Он обвел взглядом пустынное море и снова посмотрел на меня, но его старые глаза глядели куда-то сквозь меня.
— « Большой бочонок имеет привычку обманывать. На самом деле получается, что он не такой уж и большой».

— « Вы говорили, что нас скоро найдут», — напомнил я ему.
— « Ах да, конечно, — моментально согласился он. — Но мы должны быть мудрыми и беречь, что имеем».
Я выпил крохотную порцию воды, которую он дал мне, и попросил еще. Он молча с минуту глядел на меня, потом сказал, сверкнув глазами:
— « Еще самую капельку, молодой мистер».
Губы у меня пересохли, и в горле першило от сухости. Я хотел полную кружку воды.
— « Пожалуйста, налейте доверху», — сказал я.
Тимоти налил всего несколько капель на самое донышко.
— « Этого мало, таких крохотных кружек можно выпить и три», — захныкал я. Но он молча закрыл деревянной пробкой бочонок, будто и не слышал моего нытья.
— « Мне надо пить воду, Тимоти, — попытался объяснить я. — Мне очень жарко».
Ни слова не говоря, он опять приподнял доску в полу плота и спрятал бочонок. В тот момент я начал понимать, каким упрямым и тупым может быть этот старый негр. Тимоти мне совсем не нравился.
— « Молодой мистер, — сказал он, снова влезая в наше убежище, — может быть, сегодня ночью шхуна пройдет недалеко от нас, и, если это случится, пей хоть весь бочонок. Может быть, сегодня ночью шхуна не пройдет недалеко от нас, тогда мы должны пить воду только по капельке».
— « Шхуна найдет нас, — с вызовом заявил я. — И у моего отца есть корабли, он пошлет их искать нас».
— « Это правда, молодой мистер, — ответил он, даже не взглянув на меня, и закрыл глаза. Больше он не разговаривал со мной, а лег и вытянулся на досках плота».
Гора молчаливой черной плоти.
Я не мог сдержать слез и начал всхлипывать. Уверен, он слышал, но ни один мускул не дрогнул у него на лице. И он даже не взглянул, когда я выполз из убежища, чтобы быть подальше от него. Я уселся на краю плота и долго просидел так, думая о доме и поглаживая мягкую шерстку Стью. Теперь я начинал верить, что мама была права, хотя раньше никогда не соглашался с ней. Мама не любила черных. Ей не нравилось, когда мы с Хенриком убегали в бухту Святой Анны и играли рядом с черными матросами. Но с ними всегда было так весело. Они хохотали и кидали нам бананы или папайю. Если она узнавала, что мы были там, то всегда говорила:
— « Пойми, Филип, они не такие, как ты. Они другие, и они живут другой жизнью. Так устроен мир, и так должно быть».
Хенрик вырос на Кюрасао рядом с негритянскими ребятами и не понимал, почему моя мама так настроена против них.
— « Вы бережете воду для себя»! — обернувшись, крикнул я ему.
Не думаю, что он спал, но он ничего не ответил. Когда небо из голубого постепенно превращалось в темно-синее, Тимоти встал и огляделся.
— « Если нам повезет, — начал он, бросив на меня недружелюбный взгляд, — летающие рыбы будут шлепаться на плот. Тогда мы сэкономим печенье. И в этих рыбах есть вода».
Я здорово проголодался, но перспектива есть сырую рыбу вовсе не привлекала меня, и я ничего ему не сказал. Когда почти стемнело, эти рыбы начали скользить над водой. Короткие, похожие на крылья плавники позволяли им пролетать двадцать, тридцать ярдов,

иногда больше. Одна крупная рыбина выскочила из воды, пронеслась в нашу сторону и плюхнулась на доски плота. С радостным криком Тимоти схватил ее, стукнул по голове ручкой ножа и кинул под навес, в наше убежище. Вскоре еще одна, поменьше, чем первая, опять упала на плот. Тимоти схватил ее тоже. Пока еще не совсем стемнело, он снял с них кожу, вырезал мясо по обе стороны от хребта и протянул мне два больших куска.

— « Ешь»! — приказал он.

Я покачал головой. Он взглянул на меня в тусклом свете заходящего солнца и ласково проговорил:

— « Сегодня ночью у нас не будет другой еды. Тебе лучше съесть их, молодой мистер».

И с этими словами он прижал к зубам кусок рыбы и с шумом высосал из нее влагу. Да, мама права, они другие. Они едят сырую рыбу. Я отвернулся от него, лег на живот и стал думать о Кюрасао, таком теплом и безопасном, о нашем доме с островерхой крышей и об отце. И вдруг мне пришло в голову: ведь во всем виновата мать. Только из-за нее я очутился на плоту с этим упрямым старым негром. Она, она во всем виновата. Она хотела уехать с острова.

— « Я бы не оказался здесь с вами, если бы не моя мать», — в ярости закричал я старику.

Я знал, несмотря на полную темноту, что Тимоти глядит на меня.

— « Твоя мать начала эту вопиющую войну, да? Ох-ох-ох, молодой мистер».

Его огромная тень закрыла весь плот.

Глава 4.

Стало совсем темно, холодно и сыро. Тимоти снял навес с нашего убежища, и мы натянули рубашки и штаны. Они все пропитались солью и даже затвердели. Поднялся ветер и обрушивал на плот мелкую водяную пыль. И наконец появились звезды. < Мы сидели рядом на середине плота, который бесцельно дрейфовал в море. Кот потерся спиной о мои ноги, а потом свернулся рядом калачиком. От него шло тепло, и я был рад, что он греет меня. Я думал о том, как странно, что я, мальчик из южного штата Виргиния, сижу на плоту посреди океана с огромным негром. Вдруг мне пришло в голову, что, наверное, Тимоти тоже думает об этом. Один раз наши спины коснулись друг друга, и мы оба быстро отодвинулись, но я сделал это гораздо быстрее, чем он. Я знал, что в Виргинии для негров в городах есть свои районы, где они живут, а мы, белые, живем в своих районах. Несколько раз я ездил с отцом в районы для цветных. Помню, там, в одной лачуге, продавали крабов в остром соусе.

В Виргинии обычно я видел черных только летом у реки, где они ловили рыбу или купались нагишом. Но по-настоящему я ничего о них не знал. И в Виллемстаде в общем-то я с ними почти не сталкивался. Хотя у Хенрика ван Бовена были даже друзья среди них, и вообще он легче сходился с черными.

— « Тимоти, где ваш дом»? — спросил я.

— « На Святом Томасе, — ответил он. — Шарлотта-Амалия на Святом Томасе. Это Виргинские острова», — добавил он.

— « Так вы американец»? — удивился я, вспомнив из школьных уроков, что США купили у Дании часть Виргинских островов.

— « Наверно, молодой мистер, — засмеялся он. — Никогда об этом не думал. Я плавал между островами так же, как в Венесуэлу, в Коломбо, в Панаму... Я никогда много не думал о том, что я американец».

— « А ваши родители, Тимоти? Они были африканцами»? — продолжал я.

— « Молодой мистер, вы хотите, чтобы я сказал: да, это правда, я приехал из Африки». — Он засмеялся тихо и ласково.

— « Говорите что хотите», — буркнул я.

Дело в том, что Тимоти очень походил на людей, которых я видел на картинках в учебнике географии. У тех людей, живших в африканских джунглях, были такие же плоские носы и толстые вывернутые губы.

— « У меня нет воспоминаний ни о чем, кроме островов, где я плавал, — покачал он головой. — Это вопиющее безобразие, но я абсолютно ничего не помню о месте, которое называется Африка». — И Тимоти весело захохотал.

Я не мог понять, правду он говорит или нет. Он выглядел настоящим африканцем.

— « А ваша мать»? — задал я очередной вопрос.

— « Это уже сверхвопиющее безобразие, но я не помню ни отца, ни матери. Меня вырастила женщина, которую звали Ханна Гамбс»... — Опять в его голосе звучал еле сдерживаемый смех.

— « Так, значит, вы сирота», — сделал я вывод.

— « Получается так, молодой мистер, получается так». — И он от души расхохотался, но я не обиделся, потому что понял — Тимоти смеялся над собой. Я попытался разглядеть его лицо, но, кроме густой тени на плоту и темного холма посередине, ничего не увидел. — « Сколько вам лет, Тимоти»? — не унимался я.

— « Этот факт тоже очень таинственный. Я догадываюсь, что больше шестидесяти, об этом говорят мышцы у меня на ногах. Они все время хнычут и жалуются. Но по правде говоря, точно не знаю».
Я вытаращил от удивления глаза. По моим твердым убеждениям, каждый человек обязательно знает, сколько ему лет. И я теперь почти не сомневался, что на самом деле Тимоти приехал из Африки, но не стал ему об этом говорить, а вместо этого сообщил:
— «А мне почти двенадцать».
Я хотел, чтобы он знал: мне почти двенадцать лет, и не надо со мной обращаться так, будто мне вполовину меньше.
— « Это правда, это очень важный возраст, — согласился Тимоти. — Сейчас тебе надо поспать, ночью естественное дело — спать. А завтра у нас, может быть, будет очень длинный день, и у нас много накопилось работы».
Я засмеялся. Пока мы были на этом покачивавшемся плоту, нам абсолютно нечего было делать, только высматривать шхуны на горизонте или самолеты в небе.
— « И что мы должны делать»? — спросил я.
Его глаза нашли в темноте мои. Он приподнялся и оперся на локти.
— « Остаться в живых, молодой мистер, остаться в живых, вот что мы должны сделать».
Вскоре стало совсем холодно, и я начал дрожать. Отчасти от холода, но больше от страха. Я знал, что здесь есть акулы, и, если плот перевернется, они нападут на нас. Голова снова страшно болела. Днем боль не проходила, но была какой-то ноющей, а сейчас стреляло в обеих сторонах головы. Один раз в начале ночи я почувствовал у себя на лбу его шершавую руку. Потом он поднял меня и переложил по другую сторону от себя.
— « Молодой мистер, — бормотал он, — такой пронзительный ветер, тебе будет теплее с этой стороны».
Я все еще дрожал, и в конце концов он прижал меня к себе, а в ногах лежал Стью, свернувшись в теплый комочек. Теперь, прижатый к Тимоти, я мог чувствовать его запах. Он пах совсем не так, как отец или мать. От отца всегда пахло дорогим ромом и лосьоном после бритья, каким он пользовался. А от мамы пахло духами или одеколоном. От Тимоти шел совсем другой запах, и очень сильный, такой же, как от черных матросов, которые работали на палубах танкеров во время загрузки. Но в тот момент я не обратил внимания на запах, потому что Тимоти был очень теплый. А плот всю долгую ночь покачивался на волнах и пересекал белые дорожки их гребней. Не думаю, что Тимоти много спал ночью, но мне говорили, что старые люди вообще мало спят. Я проснулся, когда на востоке появилась бледная полоска света.
— « Ты хорошо спал, молодой мистер? — спросил у меня Тимоти. — Как твоя голова»?
— « Все еще болит», — признался я.
— « Если человек получает удар по голове, — объяснил Тимоти, — то надо несколько дней, чтобы боль прошла».
Он поднял дверь в полу плота, достал бочонок с водой и металлическую банку с печеньем, квадратиками шоколада и спичками. Я сел, голова сразу закружилась, и все будто в тумане закачалось перед глазами. Тимоти выделил мне полкружки воды и два твердых печенья, затем он покормил кота кусочками оставшейся летучей рыбы. Мы молча ели, и свет постепенно расползался над спокойным, будто маслянистым, морем. Ветер стих, и уже начинало припекать солнце.

— « Сегодня, молодой мистер, обязательно этим путем пройдет шхуна. — Тимоти медленно жевал половину печенья. — Держу пари, что сегодня нас найдет шхуна».
— « Надеюсь, — согласился я. — По-моему, мы не так далеко от Провиденса или Сан-Андре».
— « Это острова»? — Я быстро взглянул на Тимоти. Он кивнул.
Я продолжал смотреть на него. Будто какая-то пленка или тюлевая занавеска разделяла нас. Я потер глаза и постарался пошире открыть их. Но тюлевая занавеска не исчезла. Я взглянул на красный шар солнца, теперь полностью отделившийся от горизонта. Солнце выглядело тусклым.
— « По-моему, у меня что-то случилось с глазами».
— « Я же предупреждал тебя! — воскликнул Тимоти. — Вчера ты смотрел прямо на солнце».
Да, вот в чем дело! Я слишком много смотрел на солнце.
— « Сегодня, — продолжал Тимоти, — не смотри на воду, она чересчур блестит. Это тоже плохо для глаз».
Он стал устанавливать треугольники для навеса, я снял штаны и рубашку и, как только он все устроил, вполз в наше убежище. Сейчас боль в голове была совершенно непереносима, и я начал стонать. Тимоти оторвал полоску от своей рубашки с навеса, намочил в воде и приложил мне к глазам. Он что-то бормотал, и в голосе слышалась тревога. Немного спустя, я снял с глаз мокрую тряпку, под навесом была тень и темнота, но боль в голове стала проходить.
— « Голова уже не так сильно болит, — сказал я. — Ну вот видишь, молодой мистер, нужно только время, и все пройдет».
Я опять положил на глаза мокрую тряпку и снова заснул. Когда я проснулся, уже стояла ночь, но было еще жарко и ветер дул теплый. Я лежал под навесом и думал, что же с нами будет.
— « Который теперь час»? — наконец спросил я.
— « Часов десять».
— « Ночи»?
— « Дня». — В голосе Тимоти слышалось удивление.
Я поднес к глазам руку: даже в самую темную ночь можно видеть перед глазами свою руку. Но я ничего не увидел.
— « Я ослеп! Я ослеп»! — в ужасе завопил я.
— « Что? — Это был не голос, а испуганный рев. Я понял, что он нагнулся надо мной, потому что почувствовал на лице его дыхание. — Молодой мистер, ты не можешь ослепнуть, — проговорил он и быстро вытащил меня из-под навеса. — Посмотри на солнце», — приказал Тимоти и руками повернул мое лицо.
Я почувствовал сильный жар, но вокруг было темно. Пока он держал мое лицо к солнцу, молчание тянулось вечность, или мне так показалось. Потом долгий потрясенный вздох пришел будто из самой глубины его тела.
— « Сейчас, молодой мистер, — очень ласково проговорил он, — ты должен лежать и отдыхать. То, что случилось, пройдет. Это все естественное дело, но временное».
Мне показалось, что голос у Тимоти упал. Я лег на горячие доски и без конца моргал, стараясь рассеять черную завесу, затянувшую мне глаза. Потом я потрогал глаза, в них

вроде бы ничего не изменилось. Тогда я понял, что боль ушла. Боль ушла, но оставила меня слепым.
— « Теперь я не чувствую боли, Тимоти, — услышал я будто издали свой голос. — Боль прошла».
Я догадался, что он обдумывает, что же случилось со мной. Через несколько минут Тимоти заговорил:
— « Однажды мы плавали вокруг Барбадоса, и человек получил вопиющий удар по голове. Высокая мачта сломалась, и обломком ударило его по голове, понимаешь? И тот человек тоже ослеп. Целых три дня он видел только ночь. А потом ночь прошла. Вот такая правда».
— « Вы думаете, что со мной тоже будет так»?
— « Да, это правда, я так думаю».
Потом он затих. А я лежал в темноте, слушал поскрипывание плота, чувствовал его покачивание на волнах, и вдруг меня точно ударило — я слепой, и мы затеряны в океане. Я выполз из-под навеса и заплакал, призывая отца и мать. Сильными руками Тимоти обхватил меня и прижал к себе, он без конца повторял тихим и спокойным голосом:
— « Молодой мистер, молодой мистер»...
Никогда я не забуду того первого часа, когда понял, что ослеп. Я до того испугался, что мне было тяжело дышать. Я чувствовал себя так, будто меня всунули в какую-то темную коробку, и я никак не могу из нее выбраться.
Потом еще помню, что в какой-то момент страх перешел в злость. Я злился на Тимоти, что он не оставил меня в воде вместе с матерью, и злился на мать, потому что из-за нее я очутился на плоту. Я стал бить кулаками по его могучей спине и помню, как он говорил:
— « Если от этого тебе легче, молодой мистер, бей, я не возражаю».
Потом я почувствовал страшную усталость и рухнул на горячие доски.

Глава 5.

По-моему, это был полдень третьего дня на плоту, когда Тимоти вдруг странным голосом сказал:
— « Я слышу мотор».
— « Мотор»?
— « Ш-ш-ш».
Я прислушался. Да, откуда-то издалека доносилось слабое гудение мотора, прорывавшееся сквозь всплески волн. Потом я услышал, как Тимоти перешел на другую сторону плота.
— « Это самолет», — сказал он.
Сердце у меня быстро-быстро забилось. *Самолёт ищет нас*. Я нащупал дорогу и выполз из убежища, чтобы быть поближе к звуку. Но я все равно ничего не видел. Потом я услышал, как заскрипели петли двери в плоту.
— « Они догадаются, что мы здесь, если увидят дым. Так я думаю», — свистящим шепотом проговорил Тимоти, будто боялся громким звуком спугнуть самолет.
Он вырвал одну из ног треугольника, и я услышал, как он рвет рубашку. Потом он сказал:
— « Мы сделаем факел, молодой мистер. Они там сверху увидят дым, и все будет в порядке, уверен, все будет в порядке. Это правда».

Слабое гудение самолета как будто приближалось. Через мгновение я почувствовал запах горелой тряпки и понял, что он обмотал дерево куском рубашки, поджег его и выставил вверх.
— « Посмотрите вниз! Ну, посмотрите же вниз»! — кричал Тимоти.
Но жужжание мотора теперь совсем пропало.
— « Я вижу его! Вижу! Он летит к порту»! — вопил Тимоти.
Я пытался прорваться через темноту и хоть что-то увидеть.
— « Он ищет нас»? — спросил я.
— « Не знаю, не знаю, молодой мистер», — встревоженно ответил Тимоти.
— « Но теперь я его не слышу», — сказал я.
В воздухе не было никаких звуков, кроме плеска волн.
— « Ну посмотрите же вниз! — снова закричал Тимоти. — Под вами плот с маленьким слепым мальчиком, стариком и котом Стью. Говорю вам, посмотрите вниз»!
Гудения самолета больше не было слышно. Только шлепки волн о плот и шуршание нашего навеса от легкого ветра. Мы опять остались одни в океане. С минуту я ничего не слышал, потом раздалось шипение воды — это Тимоти сунул факел в волны.
— « В следующий раз я буду наготове. — Он глубоко вздохнул. — Пусть факел подсохнет и лежит под рукой».
Немного спустя он сел рядом со мной.
— « Это хорошо, что море принесло нас сюда. Мы теперь попали в такое место, где летают самолеты, а самолеты проводят корабли, понимаешь, молодой мистер»?
Я ничего не ответил и опустил голову.
— « Не огорчайся, молодой мистер. Сегодня нас найдут. Это правда».
Но долгий жаркий день прошел, и ни в море, ни в небе не появилось ни шхуны, ни самолета. Я знал, что Тимоти все время вглядывается в море. Оно было таким спокойным, что казалось, будто плот стоит на месте. Один раз я подполз к краю, чтобы набрать пригоршню теплой воды, и почувствовал, что Тимоти стоит у меня за спиной.
— « Осторожно, молодой мистер, — сказал он. — Акулы вечно голодные, они так и высматривают, когда человек свалится за борт, чтобы напасть на него».
— « Их много здесь»? — спросил я, отползая к середине плота.
— Да, здесь их много. Но пока у нас есть плот, они не станут нападать».
В Виллемстаде, когда я забирался на стену форта, смотревшую на море, иногда видел в воде их плавники. И еще я видел акул на столах на деревенском рынке, они лежали с открытыми ртами и с острыми оскаленными зубами. Я залез под навес и долго пролежал там, поглаживая по спине Стью. Он мурлыкал и прижимался ко мне. Я подумал, как хорошо, что, прежде чем ослепнуть, я видел его и Тимоти. Как ужасно было бы проснуться на плоту и даже не представлять, как они выглядят.
Тимоти, должно быть, стоял рядом и смотрел на нас, потому что он сказал:
— « Кот на плоту — это значит не повезет».
Через минуту он добавил:
— « Но если кот издохнет, то это уже просто к беде».
— « Не думаю, что Стью приносит нам неудачу. Я рад, что он с нами», — возразил я.

Тимоти ничего не ответил. Я догадался, что он вылез из-под навеса, сидит на плоту и изучает море. И я легко представил его широкое черное лицо со шрамом на левой щеке и чуть ли не видел, как его воспаленные глаза прочесывают каждый дюйм поверхности.
— « Тимоти, расскажите мне, что там вокруг плота»? — попросил я.
Для меня было так важно знать, где мы сейчас. Я хотел мысленно представлять все, что происходит за бортом.
— « Только мили голубой воды — засмеялся он — Мили и мили голубой воды».
— « И больше ничего»?
— « О, конечно, молодой мистер, я вижу, как рыба выпрыгнула из воды. Это значит, ее преследует большая рыба. Вопиющая неудача: черепаха прошла в стороне от нас. Слишком далеко, не поймать». — Тимоти понял, чего я хочу, и стал рассказывал обо всем, что видел. Его глаза стали моими.
— « А что на небе, Тимоти»?
— « На небе? — Наверно, он посмотрел в небо. — Ни облачка, молодой мистер, только одно голубое небо, как было и вчера. Ага, а вот теперь я вижу буревестника. Ой-ой-ой, что за осел»...
Я засмеялся первый раз за день. Так смешно — называть птицу ослом.
— « Осел»?
— « У этого осла, — начал совершенно серьезно объяснять Тимоти, — голубое лицо, это правда, я видел. Может быть, у него гнездо на отмели Серанийя, а может быть, и нет. Он охотится на летающих рыб. Это правда, надо наблюдать за птицами, потому что они говорят нам, что мы очень близко к берегу».
— « Тимоти, а как выглядит этот осел с голубым лицом»?
— « Ничего особенного, — ответил он. — Хвост, как наш шоколад, острый клюв, на теле много белого».
Я попытался представить себе такую удивительную птицу. Интересно, увижу ли я ее когда-нибудь сам?

Глава 6.

Ранним утром (я знал, что еще очень рано, потому что было холодно и доски плота были сырыми) я услышал крик Тимоти:
— « Я вижу остров! Это правда»!
В страшном возбуждении я вскочил, споткнулся и упал за борт. Я пошел под воду, успев выкрикнуть его имя, потом вынырнул, хватая ртом воздух, и услышал всплеск воды. Я понял, что Тимоти прыгнул за мной. Что-то коснулось моей ноги, и я подумал, что это Тимоти. Я хорошо плавал, но не знал, в какую сторону плыть, и поэтому просто лежал на воде. Потом раздался испуганный вопль Тимоти: « Акулы»! — и он с силой начал бить по воде руками рядом со мной.
Одной рукой он схватил меня за волосы, а другой греб к плоту. Я перевернулся на живот и пытался спокойно дышать. Потом почувствовал, как он приподнял меня в воздух и бросил; я шлепнулся на доски плота и долго не мог отдышаться. Я знал, что Тимоти еще в воде, потому что слышал всплески и ругательства.
Вдруг плот сильно накренился на одну сторону — Тимоти влез на борт. Тяжело дыша, он наклонился надо мной и закричал:
— « Проклятие! Глупец! Я же говорил тебе, что кругом акулы».

Я понял, что Тимоти в ярости, потому что слышал, как прерывисто он дышит, и почувствовал, что он смотрит на меня.
— « Акулы все время вились вокруг плота»! — проревел он.
— « Простите», — виновато пробормотал я.
— « На этом плоту надо не ходить, а ползать, — уже спокойнее проговорил он. — Ты слышишь меня, молодой мистер»?
Я кивнул. Он даже охрип от злости, но потом раза три глубоко вздохнул и спросил:
— « С тобой все в порядке, молодой мистер»?
Я догадался, что он сел рядом со мной и теперь отдыхает. Воздух все еще со свистом вырывался у него из груди. Наконец он сказал:
— « После встречи с ними человек быстро умирает».
Мы оба забыли про остров, и я спросил:
— « Тимоти, а где остров, который вы видели»?
— « Да, остров! — он засмеялся. — Здесь»...
Невольно я начал крутить головой.
— « Там, смотри, глупый человек, смотри»... — мрачно проговорил он.
— « Я не могу смотреть», — рассердившись, закричал я.
Он будто бы забыл об этом.
— « Да, молодой мистер, — это правда. — Голос прозвучал тихо-тихо, почти как шепот. — За всей этой историей с голодными акулами я забыл».
Потом я почувствовал его руки, у себя на плечах. Он повернул меня.
— « В этом направлении, молодой мистер».
— « Там много людей»? — спросил я, глядя слепыми глазами в ту сторону, куда он повернул меня.
— « Это очень маленький остров, вопиюще маленький».
— « Там много людей»? — повторил я и подумал, что эти люди свяжутся с отцом, и он пошлет за нами корабль.
— « Нет, молодой мистер, — честно ответил Тимоти. — Там нет людей. Люди не любят жить на острове, где нет воды. Нет людей. Нет воды. Нет еды. Нет телефонов. Этот остров не лучше, чем плот. Фактически, он может оказаться даже хуже».
— « Мы далеко от него»?
— « Мили две», — ответил Тимоти.
— « Может быть, нам лучше остаться на плоту, нас увидят со шхуны или с самолета».
— «Нет, нам лучше быть на острове, — твердо сказал Тимоти. — Нас несет к нему. Приливом нас выбросит на остров»? — голос у него стал счастливым.
Тимоти был рад выбраться на сушу. Я был уверен, что отец уже послал самолеты и корабли искать нас.
— « Тимоти, морской флот США ищет нас, я знаю».
Тимоти ничего не сказал. Только немного спустя он проговорил:
— « Хорошее дело, когда человек уверен. Я вижу белый берег, низкие кусты, за ними холм, и там несколько пальм. Может быть, двадцать, тридцать пальм».
Я был уверен, что он не может видеть так далеко.
— « Тимоти, — продолжал настаивать я, — разве не лучше нам остаться на плоту и найти большой остров, где были бы люди»?

— « Прошлой ночью, — начал он, будто не слышал моих слов, — я видел пену прибоя, который бился о какой-то берег, но не стал будить тебя, молодой мистер. К счастью, нас пронесло мимо, а то бы плот разбился о рифы. Я знаю, тут кругом рифы, нам их не пройти»...
— « Я не хочу выходить на этот остров», — сказал я.
По-моему, на земле не было второго такого упрямого человека, как старый Тимоти. Когда он ответил мне, я услышал сталь в его голосе:
— « Мы выйдем на этот остров, молодой мистер. Это правда».
Но он понял, как я огорчен, потому что добавил:
— « С этого острова мы сумеем попросить о помощи. Это правда. Клянусь»...

Глава 7.

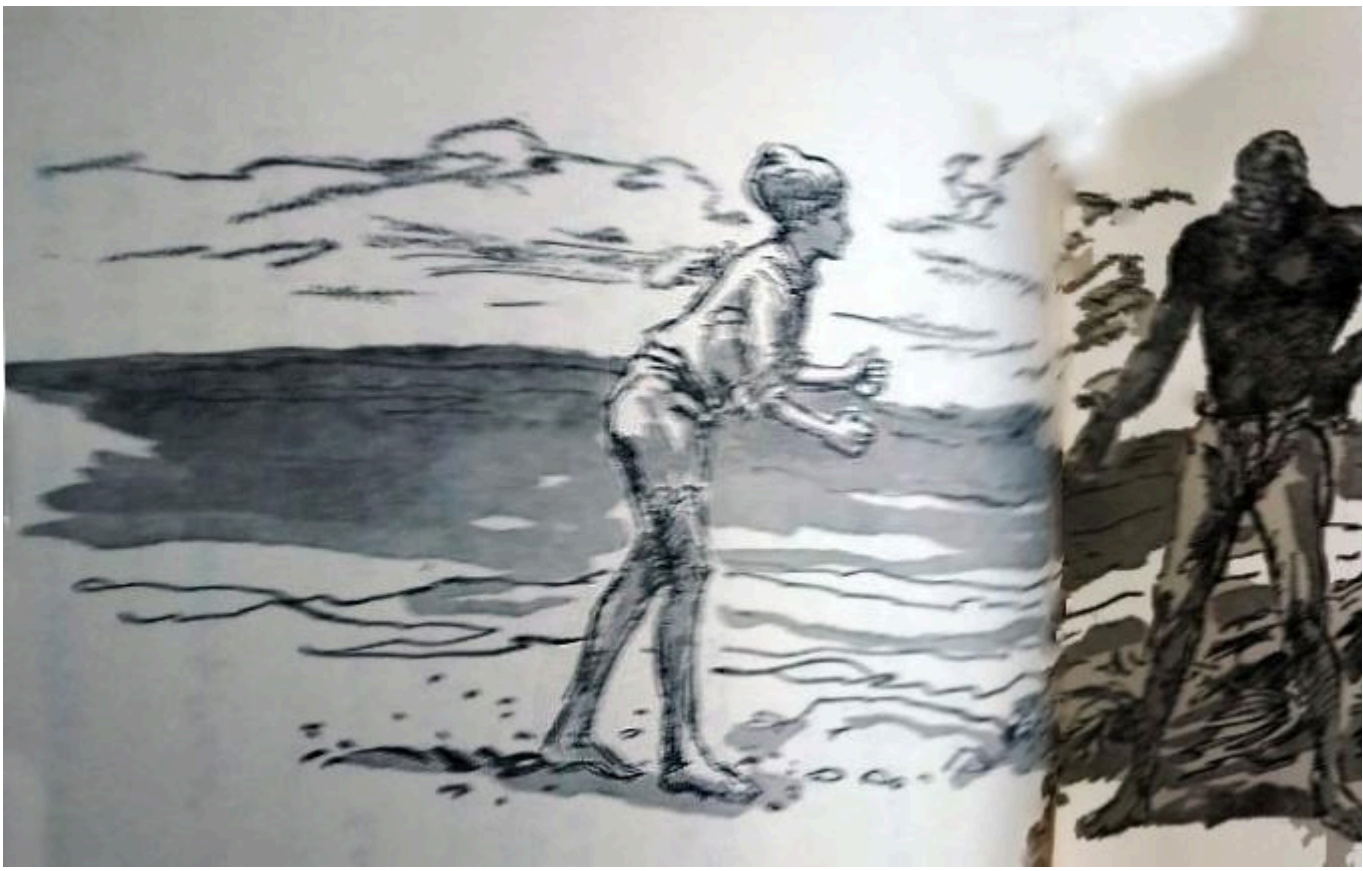
Время тянулось нестерпимо долго, но на самом деле, наверное, прошло не больше часа, когда Тимоти сказал:
— « Не пугайся, молодой мистер. Сейчас я прыгну в воду и подтолкну плот к берегу. Без этого нас пронесет мимо острова».
Через секунду раздался всплеск с одной стороны плота, и ноги Тимоти заколотили по воде. Я сообразил, что здесь, так близко к берегу, он не боится акул. Потом он закричал:
— « Земля, молодой мистер, земля»!
Значит, ноги Тимоти нащупали дно. Еще через минуту плот накренился и я понял: он уперся в землю. Я прислушивался к звукам на берегу, надеясь услышать бодрое: « Привет, друзья»!
Но на берегу стояла тишина. Только прибой глухо шумел вокруг плота.
— « Залезай, молодой мистер, мне на плечи, я отнесу тебя на землю».
Тимоти помог мне забраться ему на спину.
— « Не забудьте Стью», — сказал я.
— « Всему свое время», — Тимоти добродушно засмеялся.
Неся меня на спине, он шлепал по воде, и, судя по времени, плот был недалеко от берега.
Тимоти спустил меня вниз и закричал:
— « Земля»!
Мои ноги коснулись теплого песка, очень приятное ощущение, и сейчас я был почти рад, что нам не придется проводить еще одну ночь на жестких, мокрых досках плота.
— «Потрогай ее, — сказал Тимоти, — чувствуешь, молодой мистер, земля. Это чертовски хорошо — чувствовать землю».
Я взял пригоршню песка. Песчинки были очень нежные, почти как пудра.
— « Это красивый коралловый риф, красивый остров, — проговорил Тимоти. — Никогда не видел такого красивого рифа».
Потом он отвел меня к кустам и посадил в тень.
— « Ты тут немного отдохни, а я вытащу плот из воды. Нам нельзя потерять его».
И я сидел в тени, просеивая между пальцами песок и размышляя, на какой же из множества Карибских островов мы попали.
— « Здесь много рыбы. И лангусты тоже. Я вижу. Мы их поджарим», — крикнул Тимоти из воды.
Я знал, что лангустами здесь называют омаров. До меня доносились всплески воды и шум прибоя, я понял, что Тимоти вытягивает плот подальше на берег.

Еще через минуту, шумно отдуваясь, он плюхнулся рядом со мной.
— « Сейчас отдышусь и пойду осматривать остров, надо найти место для нашего жилья»... — сказал Тимоти и посадил Стью мне на колени.
— « Жилья»? — удивился я и погладил широкую спину кота.
— « Может быть, мы пробудем здесь дня два или три, нам будет приятнее, если устроимся поудобнее», — объяснил Тимоти.
Он, должно быть, почувствовал, что я в отчаянии, ведь мы оказались на острове, где нет людей, и добавил уверенным тоном:
— « Нас спасут, это правда. Когда стемнеет, я разожгу огромный костер из сухих веток и водорослей, какие мы найдем здесь. И следующий самолет, который будет пролетать над морем, обязательно заметит нас».
— « Где мы, Тимоти? Недалеко от Панамы»?
— « Не могу быть уверен, молодой мистер, — медленно проговорил он, — не очень уверен».
— « Но вы же говорили, что знаете эти берега и знаете все рифы вокруг этих берегов». — Я подумал, интересно, хоть что-нибудь знает этот старик или он просто тупой, выживший от старости из ума негр.
— « Послушай, молодой мистер, я знаю очень много берегов и рифов вокруг пятнадцатой северной широты и восьмидесятой долготы. Я знаю Ронкадор и Серанно, Кито-Суэньо и Серанийю, и Розалинду, а там есть еще Бэкон и Северный риф, и где-то в этих же краях Провиденс и Сан-Андре... — Он немного помолчал и потом закончил: — И, по-моему, подальше в том направлении Кайманс и Ямайка».
— « Но вы не уверены, где находится этот остров»?
— « Это правда, не уверен», — мрачно ответил Тимоти.
— « А шхуны близко к нему подходят»?
— « Беда в том, — так же мрачно продолжал Тимоти, — что рыбачья шхуна идет туда, куда идет рыба. Но рыба тут определенно есть, я вижу ее собственными глазами».
У меня появилось подозрение, будто Тимоти что-то скрывает от меня. Я понял это по его тону. Несколько раз таким тоном говорил со мной отец. Я хорошо помню. К примеру, у него был такой же странный голос, когда он не хотел говорить, что дедушка при смерти или что в Виргинии моя собака попала под машину. Конечно, эти два случая произошли, когда я был маленьким. Теперь отец всегда честно говорил со мной, потому что, как он объяснил мне, в конце концов, сказать правду и узнать правду всегда легче. И я мысленно пожелал Тимоти говорить мне правду. А он в это время встал и сказал, что сейчас обойдет остров и через несколько минут вернется. И Стью вслед за ним спрыгнул с моих колен и куда-то убежал. Я позвал его, но коту тоже вроде бы захотелось обследовать остров.
Поняв, что остался на берегу один, я жутко испугался. До меня вдруг дошло, как я беспомощен без Тимоти. Сначала я стал звать Стью, а когда он не вернулся, стал кричать и звать Тимоти. Но мне никто не отвечал. Вдруг он упал, сломал ногу, ушибся, не может встать — чего только не пришло мне в голову, и я еще больше испугался. От страха я стал ползать по берегу, то и дело тыкаясь головой в низко растущие ветки кустов. Потом снова сел и стал отгонять мошек, которые жужжали возле лица. Вдруг что-то пушистое коснулось моей руки, и я завопил от ужаса. Но тут же услышал мяуканье и понял, что это

всего лишь Стью. Я подполз к нему и крепко прижал к себе. И вскоре услышал треск веток и пение.
— « Тимоти»?
— « Да, молодой мистер», — донесся издалека его голос.
— « Никогда больше не оставляйте меня одного, — осипшим от пережитого страха голосом проговорил я, когда понял, что он подошел ближе. — Ведь вы больше не оставите меня»?
— « Здесь нечего бояться, — засмеялся он. — Я обошел вокруг весь остров, и здесь ничего нет, кроме кустов, песка, нескольких маленьких ящериц и дюжины пальм»...
— « Тимоти, никогда не оставляйте меня одного», — повторил я.
— « Договорились, молодой мистер. Обещаю», — согласился он.
Должно быть, он осмотрел все вокруг, потому что уверенно сказал:
— « Здесь нет воды, но это не беда. У нас еще есть вода в бочонке, и мы соберем воду при первом же дожде».
Все еще подозревая, что он скрывает от меня что-то неприятное, я притворился обиженным и вздохнул.
— « Вы так надолго ушли».
— « Самое большее на тридцать минут, — неохотно ответил он. — Этот остров с милю длиной и с полмили шириной и по форме, как дыня. Я нашел место, где мы разобьем наш лагерь, там, где растут пальмы. Оттуда прекрасный обзор, море далеко видно во все стороны. Холм поднимается над морем футов на сорок»...
Я кивнул и сказал:
— « Тимоти, я хочу есть».
Мы оба проголодались. Он пошел к плоту и принес бочонок с водой и банку с печеньем и шоколадом. Когда мы ели, я попросил его:
— « Тимоти, вы чем-то встревожены. Пожалуйста, скажите мне правду. Я уже достаточно большой, чтобы знать».
Он долго молчал, прежде чем ответить, наверное, подыскивал правильные слова, потом начал:
— « Молодой мистер, в этой части моря несколько маленьких коралловых островов, вроде нашего, окружены со всех сторон коралловыми рифами. Они вокруг островов, как поля шляпы, и отрезают их от моря»...
Я попытался мысленно представить, как это выглядит. Несколько маленьких островов втиснуты внутрь огромного кораллового рифа, и здесь не ходят корабли, потому что это опасно, так я решил, подумав.
— « И вы считаете, что мы на одном из этих островов»?
— « Может быть, молодой мистер, может быть».
Страх вернулся ко мне — я понял: Тимоти сделал ошибку, высадившись на этот остров. — « Значит, ни один корабль не пройдет близко к нам, — вздохнул я. — Даже рыбачья шхуна не проплывет мимо. Мы здесь в ловушке»! — «И останемся на острове навсегда», — мысленно добавил я.
И опять он ответил не сразу. Я начинал понимать, что он умеет быть честным, в то же время оставаясь нечестным.

— « По-моему, это то место, которое называют Пасть Дьявола. А язык у нее как буква «U» из острых коралловых рифов. Они тянутся с каждой стороны миль на сорок или пятьдесят»...
Он замолчал, давая мне время переварить неутешительную новость. Но потом добавил:
— « Надеюсь, молодой мистер, что я вопиюще ошибаюсь».
— « Если мы попали в Пасть Дьявола, то как же нас спасут»? — сердито спросил я, ведь это по его вине мы очутились на острове.
— « А костер! Мы же разожжем костер, и, когда самолет будет пролетать, он увидит дым от костра»!
— « Но они подумают, что это местные рыбаки. Потому что никто другой никогда сюда не приплывет»!
Я легко мог представить, как он сидит напротив меня и кивает, обдумывая мои слова. И наконец он сказал:
— « Это правда. Но мы ничего не можем сделать. Разве мы можем? Мы разобьем лагерь и посмотрим, что случится».
Тимоти налил мне полкружки воды, приговаривая счастливым голосом:
— « Так как нам все-таки удалось пристать к земле, надо отпраздновать».
Я молча пил воду и думал о нашем будущем.

Глава 8.



Всю вторую половину дня Тимоти был занят, и мы почти не разговаривали. Он строил хижину из сухих пальмовых листьев, а я сидел рядом в тени под пальмой. Сейчас, когда мы попали на остров, я опять начал думать, что же случилось с моей матерью. Иногда ко мне приходила уверенность, что она спаслась, и я не сомневался, что нас уже давно ищут. Я не очень-то понимал, что идет война и что все корабли и самолеты заняты в боевых

действиях против нацистских подводных лодок. Я вспоминал Хенрика ван Бовена и радовался, какую замечательную историю ему расскажу, когда мы снова увидимся. Сидя под пальмой и слушая, как Тимоти мурлычет себе под нос какую-то мелодию, я старался не думать о глазах. Я поверил Тимоти, что зрение вернется через несколько дней, и еще больше поверил, что самолет заметит с воздуха наш костер.

— « Посмотри, какой у нас дом», — с гордостью сказал он, когда солнце стало греть мне щеку с другой стороны и я понял, что день склоняется к вечеру.

Мне пришлось снова напомнить тупому старику, что я не вижу. И тогда он взял мою руку и провел ею по сухим листьям пальмы.

« У нас есть хижина, — рассказывал он, — футов восьми шириной и шести глубиной, с каркасом из досок, выброшенных приливом».

Тимоти подобрал их на берегу и связал крепкими стеблями вьющихся растений, покрывавших северную часть острова. Тимоти называл эти растения диким виноградом. А крыша со склоном назад, как сказал Тимоти, была высотой футов шесть. Я легко мог стоять в нашей хижине, но ему приходилось нагибаться.

— « Завтра у нас будут матрацы, — с удовлетворением закончил он. — Мы сами сплетем их. А сегодня придется спать на песке. Он мягкий».

Я понял, что Тимоти очень гордится хижиной.

Ему понадобилось всего несколько часов, чтобы построить ее.

— « А сейчас мне надо идти вниз, к рифам, и поймать лангустов. Мы их поджарим. Это будет настоящая еда».

Едва он это сказал, как страх снова охватил меня. Я не хотел оставаться один и боялся, как бы с ним чего-нибудь не случилось.

— « Возьмите меня с собой, Тимоти», — жалобно попросил я.

— « Нет, на рифы не возьму, — отрезал он. — Я сам на них еще не был. Если там безопасно, завтра пойдешь со мной».

И не сказав больше ни слова, он стал спускаться с холма. Моя мать права, подумал я. У них есть свое место, а у нас свое. По правде говоря, он не любит меня. Если бы любил, то не оставил бы одного. Конечно, они не такие, как мы. Я сидел и ждал его, а он ужасно долго не возвращался. Один раз мне показалось, что я слышу гул самолета, но, наверное, это у меня разыгралось воображение. Я начал кричать и звать Тимоти, чтобы он скорее возвращался. Но вскоре сообразил, что он не слышит меня из-за шума прибоя возле рифов. Пальмовые листья тихо шелестели от легкого ветра, и в кустах слышалось какое-то шуршание. Я знал, что где-то рядом охотится Стью. Но звуки в кустах не походили на мягкую поступь кота. Интересно, Тимоти проверил, нет ли тут змей? А может, здесь есть скорпионы? На большинстве Карибских островов их укус смертелен. Что мы будем делать, если на нашем острове есть скорпионы? Время, которое я проводил один, было ужасно первые несколько дней. Конечно, причина крылась в том, что я не мог видеть, кто издает эти пугающие звуки. По-моему, если человек родился слепым, ему легче. Он растет, постепенно знакомясь со звуками, которые окружают его, и учится угадывать, что они означают. Вдруг слезы хлынули у меня из глаз. Я знал, что мужчины не должны плакать. Отец бы нахмурился, увидев мои слезы. Но я не мог остановиться. И тут откуда-то появился кот. Он терся об мои руки и об щеки и громко мурлыкал. Я прижал его

к себе и понемногу успокоился. А вскоре услышал, как Тимоти кричит мне, поднимаясь на холм:
— « Молодой мистер, три очень симпатичных лангуста».
Но я решил не разговаривать с ним, раз он так надолго оставил меня.
— « Ты только потрогай их, они еще живые», — наклонившись надо мной, уговаривал Тимоти.
Он чуть не плясал от радости, что поймал этих лангустов.
Я отвернулся от него. Рано или поздно Тимоти придется понять, что со мной нельзя так обращаться: то пренебрегать мной, то считать другом.
— « Молодой мистер, — мягко проговорил он, — если тебе нравится, можешь быть вопиющим человеком. Но здесь, кроме меня, у тебя никого нет. Я единственный».
Я ничего не ответил.
Он поджарил на костре лангустов, и потом мы забрались в хижину и там провели первую ночь в тишине острова. Тимоти вроде бы страшно устал и даже тихо постанывал. Пока мы еще не заснули, я спросил:
— « Тимоти, скажите мне правду, сколько вам лет»?
— « Больше семидесяти, — он тяжело вздохнул. — Гораздо больше семидесяти»...
Да, он был очень старый. Такой старый, что мог умереть на острове раньше, чем нас спасут. Утром Тимоти начал складывать на берегу костер. Он придумал план. Возле хижины у нас всегда будет гореть огонь. Если мы услышим самолет, он возьмет горящую ветку, спустится на берег и подожжет большой костер. Так мы сэкономим те несколько спичек, которые у нас остались, сказал он. Тимоти быстро сложил костер, рассказывая мне, что он делает.
— « Вниз — сухие пальмовые листья, на них домиком тонкие ветки, а потом доски. А сейчас, молодой мистер, мы должны устроить так, чтобы песок заговорил», — обратился он ко мне.
Иногда я с трудом понимал Тимоти. Он говорил с красивым мягким вест-индским акцентом, но ход его мыслей мне был не всегда ясен.
— « Чтобы песок заговорил»? — удивленно повторил я.
— « Надо, чтобы они узнали о том, что мы здесь», — терпеливо объяснил он.
— « Кто»?
— « Люди в небе, конечно».
— « А»!
Я по-прежнему ничего не понимал. Наступила тишина. Немного спустя я догадался, что Тимоти стоит рядом, смотрит на меня и ждет, когда я что-то скажу или сделаю. Наконец, не выдержав, он поторопил меня.
— « Ну, молодой мистер»!
— « Что мы должны сейчас сделать»? — спросил я.
— « Заставить эти камни говорить! — в голосе Тимоти звучало нетерпение. — Здесь много разных камней, пусть каждый камень говорит»...
— « Не понимаю, как я могу помочь вам, Тимоти. Я же не вижу никаких камней», — нахмурился я.
— « Я вижу камни, — проревел Тимоти, — но что они скажут»?
— « Они скажут: «Помогите!»», — обрадовался я, что наконец-то понял его, и засмеялся.

Он удовлетворенно что-то проворчал, и следующие двадцать или тридцать минут я слышал, как он ссыпал собранные камни и тихо напевал. В его песне говорилось о «рыпе и рыбе». В Виллемстаде, на деревенском рынке, где торговали черные, я несколько раз ел рыпу. Это было старинное простое блюдо из кукурузы. Но у большинства блюд, которые черные, живущие на островах, готовили и ели, были совсем другие названия, чем у нас.

— « Ну, молодой мистер», — Тимоти подошел ко мне, встал рядом и опять чего-то ждал.

— « Да»?

Наступило молчание, потом Тимоти сердито крикнул:

— « Ну, пусть камни скажут: «Помогите»»!

Я повернул голову в сторону его голоса и вдруг понял, что Тимоти не умеет писать. Он был слишком глупым или слишком гордым, чтобы прямо признаться в этом. Я кивнул и начал ощупывать песок, чтобы найти палочку.

— « Что ты ищешь»? — спросил он.

— « Палочку, чтобы писать буквы».

Он вложил мне в руку ветку, и я аккуратно вывел на песке: « Помогите». А он стоял, наклонившись к земле, и следил за моими движениями, и все время ворчал «ох-ох-ох, ох-ох-ох», словно подтверждая, что я пишу правильно.

— « Я же говорил тебе, молодой мистер, что надо заставить камни сказать: «Помогите »», — одобрительно заметил он, когда я кончил. И тут же, ужасно довольный, принялся раскладывать камни по линиям, которые я написал на песке. У меня поднялось настроение. Я мог делать что-то такое, чего не умел Тимоти.

Он не умел писать. В тот день я чувствовал свое превосходство над старым Тимоти, но я позволил ему играть этот маленький спектакль, притворяясь, будто не понимаю, что он не умеет писать.

Глава 9.

В тот день Тимоти сказал, что мы должны сделать веревку. На северной стороне острова росло очень много вьющихся растений со стеблями толстыми, как карандаш. Они кружевом устилали песок. Нам понадобилось несколько часов, чтобы нарвать большую кучу стеблей. Потом Тимоти начал плести веревку, которая будет спускаться с холма к костру, разложенному на берегу. Веревка предназначалась для меня. Если случится так, что я услышу самолет, когда Тимоти будет на рифах, то возьму горящую ветку из костра возле хижины и, держась за веревку, смогу спуститься вниз и разжечь большой сигнальный костер. И вообще эта веревка поможет мне безопасно спускаться на берег, когда захочу. После того как мы перенесли охапки стеблей к хижине, он начал плести веревку.

— « Молодой мистер, — вдруг сказал он, — тебе уже пора браться за дело и помогать мне в работе».

Мы сидели возле хижины, я прислонился спиной к пальме и в этот момент мыслями был в Виллемстаде. Я представлял, как сижу в классе через три парты от Хенрика и слушаю, как герр Джонкгир рассказывает о событиях европейской истории. В первый год, когда мы приехали на Кюрасао, я занимался с репетитором по голландскому языку и потому мог ходить в обычную школу. Я умел говорить по-голландски и все понимал. Руки у меня

болели от напряжения после того, как мы рвали крепкие жесткие стебли. Мне хотелось просто сидеть и думать и вовсе не хотелось работать.
— « Тимоти, ведь я слепой, я не могу работать», — еще раз напомнил я ему и услышал, как он что-то отрезал своим острым ножом.
— « Руки у тебя не слепые», — мягко возразил он.
Неужели этот тупой старик не понимает? Для того чтобы работать, нужны зрячие глаза. Конечно, я могу рвать стебли или рисовать на песке буквы, но больше я ничего не могу.
— « Молодой мистер, нам нужны матрацы, чтобы мягко было спать, — упрямо проговорил он. — Ты можешь делать матрацы».
— « Вы сами можете их сделать», — ответил я, повернувшись в его сторону.
— « Лучший мастер, делавший матрацы в Шарлотте-Амалии в нижнем французском городе, был совершенно слепой». — Тимоти глубоко вздохнул.
— « Но он был взрослый человек и делал матрацы, чтобы заработать на жизнь».
— « Это правда», — спокойно согласился Тимоти.
Но через несколько минут он бросил мне на колени несколько волокон пальмы. Ну настоящий черный осел!
— « Пальмовый матрац сделать очень легко, — как ни в чем не бывало проговорил он. — Одно волокно поверх другого, а потом нижнее»...
— « Я же сказал вам, что не вижу»! — разозлился я.
— « Возьми этой рукой волокно, вот так, — не обратив внимания на мои слова, продолжал он, — и протяни его между этими двумя, как делал этот человек во французском городе, и опять верхнее под нижнее».
Я почувствовал, что он стоит надо мной и смотрит, как я пытаюсь переплести эти проклятые волокна, и у меня получалось очень плохо.
— « Делай так, как я говорю тебе, — снова начал Тимоти, взяв мою руку и водя ею. — Одно наверх, другое вниз»...
Я попытался еще раз, но у меня ничего не получалось. Я встал, бросил в него волокна и закричал:
— « Ты уродливый черный старик! Я не хочу плести матрацы! Тупица, ты даже не умеешь писать»...
Тяжелая рука Тимоти больно ударила меня по лицу. Остолбенев, я потрогал щеку, по которой он ударил меня, потом отвернулся от того места, где, по-моему, он стоял. Щека горела, но мне не хотелось, чтобы он видел слезы у меня на глазах.
— « Садись за работу и делай, как я сказал», — услышал я его мягкий голос.
Я снова сел. Он опять тихо напевал песню про « рыпу и рыбу», и я легко мысленно нарисовал картину, как он сидит на песке перед хижиной, шапка вьющихся седых волос, безобразное черное лицо с толстыми губами, большие грубые руки, которые рвут крепкие стебли вьющихся растений. Веревка, подумал я, это же не для него. Веревка нужна для меня. Немного времени спустя я проговорил:
— « Тимоти»...
Он не ответил, но подошел ко мне и вложил в руки еще охапку пальмовых листьев.
— « Это очень легко. Одно волокно вверх, другое вниз»... — тихо бормотал он.

Потом Тимоти вернулся на место, сел и стал напевать про рыпу и рыбу. В тот день на коралловом острове что-то со мной случилось. Даже сейчас я не могу четко и последовательно объяснить, что же именно случилось, но я стал меняться.
— « Я хочу быть вашим другом», — сказал я Тимоти.
— « Молодой мистер, я всегда считал тебя своим другом», — ласково ответил он.
— « Тимоти, вы можете называть меня Филипом вместо молодого мистера».
— « Фи-ли-ип», — мягко проговорил он.

Глава 10.

Всю нашу седьмую ночь на острове шел дождь. Это был один из тех тропических ливней, которые приходят сразу, без предупреждения. Мы спали на пальмовых матрацах, которые я сделал, но ливень моментально разбудил нас. Капли стучали по крыше, по сухим пальмовым веткам, по широким листьям, будто пули. Мы выбежали под дождь, и оба радостно подставляли тело под пресную воду. Дождь был холодный и приятный. Тимоти весело кричал, что сейчас начнет работать его водохранилище, которое он сделал еще в первые дни после нашей высадки на остров. Он оторвал несколько досок от плота и сделал большое корыто, куда должна была собираться дождевая вода. А еще он подобрал на берегу два бамбуковых ствола, соединил их вместе, и у него получилась короткая трубка с воронкой, по которой дождевая вода бежала из корыта в наш десятигаллоновый бочонок. Дождь шел почти два часа, и Тимоти проклинал себя за то, что не сделал второе корыто. Бочонок очень скоро наполнился, и вода побежала через край. Крыша хижины ужасно протекала, но нам это даже нравилось. Мы лежали на матрацах с открытыми ртами и жадно ловили вкусную пресную воду. А Стью с жалобным мяуканьем свернулся в комочек и притулился в углу. Тимоти сказал, что кошки не любят воду. Мне очень понравился дождь, потому что я мог его слышать и чувствовать. Дождь не Обязательно видеть. Капли стучали по нашей крыше, а струйки воды с приятным звуком проливались на матрац и на меня. Порывистый ветер гнул верхушки пальм, и я мысленно представлял, как они выглядят на фоне ночного неба, как высоко-высоко поднимаются над нашим маленьким островом, как склоняются друг к другу под порывами ветра. Мне хотелось, чтобы дождь шел всю ночь. Мы лежали и долго разговаривали и после того, как дождь начал затихать. Тимоти спросил о моей матери и об отце. Я рассказал ему о них все, что знал, и о том, как мы жили в Шарлоо, чувствуя себя очень одиноким и тоскуя по дому. Он слушал меня, все время приговаривая: «Ах, это правда!» Потом Тимоти рассказал мне все, что мог вспомнить о своем детстве. Оно совсем не было похоже на мое. Он никогда не ходил в школу и начал работать на рыбачьем судне с десяти лет. Я понял так, что единственной его радостью был карнавал, который проходил раз в году. В эти дни он привязывал к щиколоткам листья красного жасмина, натягивал на себя ослиную шкуру и вместе с другими такими же веселыми охотниками за красавицами бегал по улицам, а пожилые леди Шарлотты-Амалии танцевали вокруг них бамболу.
— « В эти три дня карнавала ох, и много же я выпивал рому», — хихикнул Тимоти, заканчивая рассказ.
Я тут же мысленно нарисовал, как он в ослиной шкуре, пританцовывая, носится по улицам под звуки неутомимых оркестров. Такие карнавалы бывали и в Виллемстаде. У меня из головы не уходила мысль, что мама не любит черных, и я сказал ему об этом и спросил — почему?

— « Я сам тоже не люблю некоторых белых, — медленно начал он, — но это было бы самое вопиющее дело, если бы я не любил никого из них».
Мне хотелось услышать ответ от Тимоти — ведь по школьным урокам я и сам знал, — и я спросил у него, почему у людей разная кожа, белая и черная, коричневая и красная, а он засмеялся и сказал:
— « Почему рыбы разного цвета, почему цветы разного цвета? По правде говоря, Фи-ли-ип, не знаю. Но думаю, что под кожей все одно и то же».
Это правда. На уроках в школе герр Джонкгиир говорил что-то похожее, но это не значило для меня так много, как когда об этом сказал Тимоти. Немного спустя он начал похрапывать под мерный стук капель, падающих с крыши, а я думал о нашем разговоре. И вдруг мне захотелось, чтобы отец и мать увидели нас здесь вдвоем на маленьком острове. Прежде чем заснуть, я подвинулся поближе к большому телу Тимоти. Потом вспомнил его улыбку. Он был для меня ни белый, ни черный. Утром весь остров пах чистотой и свежестью, а воздух стал совершенно прозрачным. Тимоти стряпал мелкую рыбу, паломету, которую он на рассвете поймал на рифах. С тех пор как мы покинули палубу «Хато», ни он, ни я еще ни разу не чувствовали себя так хорошо и так не радовались чистоте. И хотя мы об этом не говорили, но каждый думал, что в такой прекрасный день самолет обязательно пролетит над Пастью Дьявола и заметит, что на острове есть люди. Паломета, поджаренная на небольшом огне, оказалась довольно вкусной. Конечно, еды у нас было мало, только то, что приносило море. Рыба, лангусты, моллюски, яйца морского ежа — маленького круглого морского животного, который острыми колючками прикрепляется к кораллам. Тимоти попытался сделать жаркое из морских водорослей, но они были слишком горькие. Потом он попробовал сварить корешки вьющихся растений, но от них у нас разболелись животы. Единственное, что ему удалось, это блюдо из листьев вьющихся растений. Сначала он их варил в морской воде, а потом в пресной. Но у нас над головой, в сорока футах над землей, как сказал Тимоти, подрастал настоящий пир — большие, жирные, зеленые кокосовые орехи. Когда мы только высадились на остров, то нашли на земле несколько сухих кокосов. Их мякоть оказалась не очень вкусной. В том, который был посвежее, мы нашли и молоко, но оно прогоркло.
И вот пришло время, когда стоило нам усесться возле хижины, как Тимоти обязательно начинал ворчать:
— « Какое вопиющее дело: кокос без пользы висит в небе, а мы могли бы выпить из него молоко и съесть мякоть».
Или же говорил:
— « Тимоти, то есть я, в старые времена мог в один момент влезть на любую пальму».
Или намекал, что, мол, надо бы посмотреть на эти орехи, и добавлял:
— « Фи-ли-ип, я верю, что здесь на острове ты станешь самым сильным парнем на Карибах. Это правда».
И такой разговор продолжался изо дня в день. Потом он придумал еще один вариант, все время вздыхал, что, если бы ему было хотя бы пятьдесят, он бы, конечно, смог залезть на пальму и срезать орехи острым ножом. Но ему за семьдесят, и он не уверен, что сумеет добраться до вершины. В то утро после завтрака, задрав голову туда, где были макушки пальм, я прекрасно представлял себе его поднятое к небу широкое лицо, а Тимоти опять завел привычный разговор:

— « Немножко молока из ореха сейчас бы не помешало, а, Фи-ли-ип?
— « Да, не помешало бы», — согласился я, но у меня не хватало смелости забраться на пальму.
Тимоти покашлял, глубоко вздохнул и замолчал. Но я знал, что ненадолго, очень скоро он опять начнет подталкивать меня.
— « Забудем об этих дьявольских кокосах, но знаешь, твоя мама теперь бы ни за что не узнала тебя».
Я спросил, почему.
— « Ты очень коричневый и очень худой», — ответил он.
Я попытался представить, какой у меня вид. О рубашке и штанах я догадывался — сплошные лохмотья, волосы спутаны и, вероятно, напоминают птичье гнездо. У нас не было расчески. И тут мне захотелось знать, как выглядят глаза, и я спросил у Тимоти.
— « Они совсем не изменились, — беззаботно проговорил Тимоти. — Они смотрят, Фи-ли-ип, как и раньше».
— « Я большая обуза для вас»?
— « Нет! Нет! — засмеялся он. — Каждый день я думаю, какая мне выпала редкая удача, что на этом вопиющем, забытом Богом острове со мной ты».
Я немного подумал и спросил:
— « А сколько прошло времени, когда ваш друг, ну тот друг с Барбадоса, снова смог видеть»?
— « О, много месяцев, точно не помню, — неопределенно ответил Тимоти. — Но вы же на плоту говорили мне, что он стал видеть через три дня».
— « Я это говорил»?
— « Да. — Может быть. Это же было много, много лет назад. Но это правда, зрение вернулось к нему. — Он немного помолчал и добавил: — Сейчас я должен тебе сказать — у нас сегодня очень много работы».
Я все чаще и чаще замечал, что Тимоти всегда переводит разговор на другую тему, когда мы начинаем говорить о моих глазах. Он придумывал самые разные причины.
— « Какой работы»? — спросил я.
— « Ну, понимаешь, работа всегда есть, — начал он. — Во-первых, мы должны сделать еще одно корыто, чтобы собирать воду, если придет дождь... И мы должны пойти на рифы за едой... и»...
Я молча ждал.
— « Ну, понимаешь, тут всегда много работы, Фи-ли-ип. Это правда»! — взорвался наконец Тимоти.

Глава 11.

Тимоти сделал мне крепкую, удобную палку, и я начал привыкать к. своей слепоте и самостоятельно находить дорогу. Правда, я часто падал, но падал на вьющиеся растения, поэтому не ушибался. И даже если падал на песок, то тоже отделывался царапинами. Постепенно я стал знакомиться с островом. Если я чувствовал под ногами сырой песок, то догадывался, что подошел близко к воде. И наконец наступил день, когда я смог обойти сам весь остров, и Тимоти гордился мною. После своих путешествий, когда я ногами и руками ощупал почти каждый дюйм, и рассказов Тимоти мне уже казалось, что я знаю, как выглядит наш коралловый остров. Как Тимоти и говорил, он имел форму дыни или

черепахи, вылезшей из моря к подножию холма, где ночью и днем от легких пассатов шелестели листья пальм. Теперь я знал, что пляж шириной ярдов в сорок опоясывает весь остров, изредка чуть сужаясь. На одном его конце, на восточном, был низкий коралловый риф, тянувшийся в море на несколько сот ярдов и во многих местах уходивший под воду, так что с берега казалось, будто он прерывается. Я сам догадался, что это восточный конец острова, потому что однажды утром был там с Тимоти, когда поднималось солнце, и почувствовал на лице тепло с той стороны. Вьющиеся растения, или дикий виноград, как называл их Тимоти, росли по всему пляжу и поднимались на несколько футов вверх по склонам холма, окружая его со всех сторон. На пляже росли и другие кусты, которые на ощупь не были похожи на дикий виноград, но Тимоти не знал, как они называются. Южный берег отлого спускался к воде. А северный был совсем другой. Там под водой скрывались коралловые рифы и дно шло резкими уступами. Достаточно одного неверного шага — и можно угодить в глубокую яму. Тимоти предупредил меня, что здесь нельзя входить в воду, потому что акулы могут подплывать близко к берегу. Еще Тимоти рассказывал, что вода вокруг острова прозрачная, и он видит разных красивых рыб. Кораллы были самой различной формы — и коралл-органчик, и коралл-череп, а некоторые рыбы любят их обгрызать, и тогда форма меняется. По тому, что рассказывал Тимоти и что я сам узнавал на ощупь, я решил, что наш остров очаровательное место, и мне очень хотелось бы посмотреть на него. Поэтому я поставил себе задачу по крайней мере один раз в день по частям обследовать берег. Ведь я могу по веревке из стеблей дикого винограда спуститься на пляж, а там идти по песку, никуда не сворачивая. Так постепенно я все меньше и меньше зависел от веревки, придуманной Тимоти, и мог пойти куда захочу. А Тимоти изо всех сил старался приучить меня жить независимо от него. И мне казалось, что я знаю, почему. Я никогда не говорил ему об этом, мне невыносима была сама мысль о том, что Тимоти может умереть и оставить меня одного на острове. Ночной дождь вселил в нас надежду, и весь следующий день, по-моему, мы оба выполняли нашу работу, прислушиваясь, не раздастся ли гул мотора. Но за весь день мы не услышали ничего, кроме обычных звуков: шума прибоя, завывания ветра и криков птиц над морем. Вечером после ужина Тимоти мрачно проворчал:

— « Нет самолета! Наверное, на этом острове поселился джамби (в низшей мифологии народов некоторых стран Карибского региона – многочисленные духи, то же, что и фэйри Старого Света или ёкаи в Японии, преимущественно так называются лесные духи)».

— « Не говорите чепухи, Тимоти», — засмеялся я.

— « Дьявол посылает злых духов, чтобы погубить нас, — глухим голосом проговорил он.

— А у нас нет ни цыпленка, ни кукурузного зерна, чтобы прогнать их с острова».

— « Тимоти, не можете же вы серьезно верить в эту чепуху»?

Отец рассказывал, что у жителей Вест-Индских островов распространена вера в колдовство, в заклятия, в злых духов и во всякую чертовщину. Конечно, эти суеверия пришли из Африки. Сильнее всего они на Гаити, но и на других островах тоже есть колдуны. У людей, верящих в колдовство, как говорил отец, произошло смешение религии с суевериями.

— « Может быть, этот вопиющий кот и есть джамби», — вздохнул Тимоти, и я понял, что он ищет кота.

— « Тимоти, ну что вы говорите, Стью всего лишь старый кот».

— « Он взобрался на плот, и нас отнесло в сторону от всех остальных. — Тимоти стал вспоминать все, что с нами случилось. — Потом у молодого мистера на глаза опустилась темнота, и это принесло нам вопиющие неприятности. Потом течение занесло нас в эту забытую богом Пасть Дьявола»...
— « Тимоти, Стью не джамби, оставьте его в покое», — сердито перебил его я.
Старик промолчал, и у меня в сердце вдруг закралась тревога за кота. Тимоти лежал рядом со мной всю ночь, но когда я утром проснулся, то не нашел ни его, ни Стью. Я вылез из хижины и стал звать Стью. Никакого ответа. Стал звать Тимоти. Молчание. Я спустился с холма и пошел по берегу к рифам. Колдовство, конечно, глупость, в этом я не сомневался, но в поведении Тимоти появилось что-то пугающее: я не мог понять, почему он решил, что Стью это джамби.
« Ну что же, придется обойти остров по пляжу и найти их», — подумал я. Дорогу пришлось ощупывать палкой, потому что ночью прилив мог обнажить коралловые рифы, которые еще вчера скрывались под песком. Я старался идти по кромке воды и все время звал Тимоти и Стью. Когда я добрался до северной части острова, Тимоти ответил:
— « Доброе утро, Фи-ли-ип».
Я спросил, где он был.
— « На этом острове некуда уйти, — засмеялся он. — Тут и был, тут и есть. На этом берегу».
— « Где Стью»? — спросил я.
Тимоти молчал. Я повторил вопрос.
— « Он занят своими делами, может быть, охотится за ящерицей, может быть», — ответил он, но в его голосе слышалось какое-то лукавство.
Пока мы разговаривали, все время раздавался непонятный скрипящий звук и звон металла.
— « Что вы делаете»? — мне стало интересно, чем же Тимоти занимается.
— « Вырезаю из дерева дощечку», — добродушно ответил он. Почему же ему понадобилось идти на северный берег, чтобы вырезать из дерева дощечку? Ведь у нас возле хижины навалена целая гора досок для костра и для сигнального огня.
— « И вы не видели Стью»?
— « И следов не видел».
Мне хотелось узнать, что у него в руках, но не хватило смелости подойти и потрогать. Вместо этого я сказал:
— « Тимоти, очень хочется есть».
— « Сейчас мы пойдем к нашей хижине».
Я почувствовал его руку у себя на плече. Он приготовил завтрак, мы поели, а потом он снова куда-то ускользнул. Обычно Тимоти держал нож в металлической коробке, где лежало сбереженное на черный день печенье. Еще в этой коробке хранилось с десяток спичек, несколько долек шоколада и разная мелочь, которую он нашел на берегу или же снял с плота. Я нащупал пальцами с дюжину гвоздей, петли от двери в полу плота, несколько коротких кусков веревки, одну пробку, три маленьких консервных банки и моток чего-то на ощупь напоминавшего кожу. Все на месте — кроме ножа. Конечно, он взял его с собой на северный берег острова. Я терпеливо обыскал все кусты вокруг хижины — может быть, Тимоти привязал кота где-нибудь. Но ведь ясно, что Стью обязательно бы замяукал, если бы почуял, что я близко. Что же делать? Я был уверен, что

Тимоти на северном берегу вырезает свою дурацкую дощечку, но что-то подсказывало, что мне не стоит туда ходить. Я сидел возле хижины и размышлял. Нет смысла убеждать Тимоти, что джамби не существует, и мне не удастся найти кота, если Тимоти решил его спрятать. Медленно тянулись утренние часы. Я спустился на восточный берег и посидел у сигнального костра, надеясь услышать в небе гудение самолета. Несколько раз мне казалось, что порывы ветра доносят отдаленное мяуканье, но я не мог определить, в каком конце острова оно раздается. Может быть, все, что происходит, это начало затемнения мозга старого человека? У меня темная пелена закрыла глаза, а у него мозг. А вдруг меня забросило на крохотный забытый богом остров в Карибском море с сумасшедшим? Если он из-за каких-то глупых выдумок убьёт кота, то может убить и меня. Я решил сесть на плот, и пусть меня унесет в море. Ведь на плоту осталось еще несколько досок, мне хватит места, чтобы сидеть или лежать. Если бы мне удалось снести с холма вниз бочонок с водой и взять оставшийся шоколад, то я бы продержался в море несколько дней. Я встал и пошел вниз к воде, нащупывая дорогу к рифам. Если идти все время прямо, то я наткнусь на длинный трос, которым привязан плот. Тимоти вбил в песок тяжелую доску и закрепил вокруг нее трос, чтобы плот отливом не унесло в море. Медленно, ощупывая палкой дорогу, я шел по песку, ожидая, что вот-вот налечу на трос: или задену палкой, или споткнусь об него. Я прошел весь пляж до того места, где начинались рифы, и ничего не нашел. Потом изменил направление и пошел назад. Так я ходил взад-вперед, пока наконец не наткнулся на тяжелую доску, которую Тимоти вкопал в песок.

Я обошел ее вокруг, но троса не было. Он отвязал трос, и плот потерялся! От паники меня бросило в пот. Но, взяв себя в руки, я определил по доске направление и решил войти в воду, вдруг там сумею найти плот. Несколько шагов по воде, и что-то больно оцарапало босую ступню. Я поставил ногу, и что-то зашевелилось под ней. Казалось, что двигалось все дно. Я потерял равновесие и упал в воду головой вперед. Отплевываясь, вскочил и понял, что наступил на ската. Это ромбовидная рыба с шипами на хвосте. Я уже видел ее раза два, когда купался в море в Виллемстаде. Царапины от шипов некоторых разновидностей скатов бывают смертельны. Но этот так же испугался, как и я, и моментально скрылся в глубине. Я вошел в воду по пояс, во всех направлениях ощупывая руками поверхность. Но плот исчез!

Я верил Тимоти и убеждал себя, что он никогда не причинит мне вреда. Но эта таинственная история с джамби пугала меня. И сегодня он вел себя не так, как тот Тимоти, которого я знал и с которым жил на острове.

Во второй половине дня Тимоти вернулся в хижину. Никто из нас не сказал ни слова. Потом я услышал, как он что-то приколачивает. На крыше шуршали сухие пальмовые листья, значит, он что-то прикреплял к хижине. Закончив стучать, Тимоти снова ушел. Услышав, что он пробирается через дикий виноград к тропинке, ведущей на пляж, я встал и ощупал доски, образующие каркас хижины. На них ни на одной стороне ничего не было. Тогда я решил: то, что он прибивал, должно быть на крыше.

Я вспомнил, что несколько больших бревен лежало возле костра. Я подошел к ним, нащупал одно бревно и подкатил его ко входу в хижину. Потом взобрался по нему и ощупал пальцами две крест-накрест прибитые доски, на которых держалась крыша. В самом центре я нашел то, что искал. Я вскрикнул, когда ладонь коснулась чего-то острого. Пальцами я медленно изучил странный предмет и обнаружил, что у него была голова,

четыре ноги и хвост. Значит, Тимоти потратил все утро, вырезая из дерева кота, Стью. А гвозди, которые он вбил в деревянное изображение, как предполагалось, убьют злого духа, джамби. У меня подкосились ноги, и я сел на бревно. Вскоре Тимоти поднялся по тропинке и бросил мне на колени Стью.

— « Где он был»? — спросил я.

— « На плоту, конечно. Я вывез его с острова, пока прогонял джамби».

— « А где плот, Тимоти»?

— « Где же ему быть, Фи-ли-ип? Привязан на берегу. Снова привязан. Теперь к нам придет удача».
Но удача не пришла. Стало еще хуже.

Глава 12.

Однажды утром в середине мая я проснулся от тяжелого дыхания Тимоти. Казалось, что он борется за каждый глоток воздуха. С минуту я послушал, а потом спросил:
— « Тимоти, с вами все в порядке»?
— « Лихорада! Маляр»!
Мне пришлось немного подумать, чтобы до меня дошло, о чем он говорит. Лихорадка! Малярия! Я подошел и потрогал его лоб. Он пылал. Каждый выдох был с тяжелым хрипом. — Ко мне вернулся маляр, Фи-ли-ип. К вечеру пройдет, но дай мне попить. В Виргинии, а потом в Шарлоо, когда у меня начиналась лихорадка, мама давала мне аспирин и клала на голову полотенце, смоченное в холодной воде. Но у нас на острове, конечно же, не было аспирина, а вода в море всегда теплая. Я налил в кружку воды из бочонка и дал ему. Он выпил залпом и опять упал на матрац. Я немного послушал его тяжелое дыхание, потом оторвал полоску от того, что оставалось от моей рубашки, смочил водой и положил ему на лоб. Он пробормотал: «Это хорошо». Но вдруг начал дрожать, хотя утренний воздух уже прогрелся от солнца. Я слышал, как стучат у него зубы. Но у меня не было ничего, чтобы укрыть его. Я только сидел рядом и держал рукой на лбу тряпку, которая уже начала высыхать. Дыхание у него было горячим, как жар от костра. Должно быть, часов в десять Тимоти начал что-то бормотать и смеяться. Похоже, будто он разговаривал во сне, но короткие взрывы смеха между хрипами звучали визгливо и страшно. Мне не удавалось удержать тряпку с водой у него на лбу, потому что он метался из стороны в сторону. Не переставая я разговаривал с ним, но он вряд ли даже понимал, что я сижу рядом. Один раз он встал, но тут же снова упал на матрац, и я велел ему лежать спокойно. И довольно долго он пролежал тихо, будто заснул, но потом его снова начало трясти. Когда дрожь кончилась, опять началось бормотанье и взрывы смеха. Примерно в полдень бормотанье стало громче и я почувствовал, что он пытается встать. Я вцепился ему в плечи и закричал, чтобы он сейчас же лег. Но он отбросил меня в сторону, словно пушинку, и я услышал, как он, ломая ветки, спускается к морю. Его пугающий смех доносился до хижины.
Я побежал на звук смеха и вдруг услышал тяжелый всплеск и понял, что он вошел в воду.
— « Тимоти, Тимоти, — в страхе завопил я, — вернитесь»!
И вдруг наступила мертвая тишина. Я выкрикивал его имя снова и снова — никакого ответа. Я добрался до берега, опустился на колени и медленно пополз по песку, стараясь держаться вдоль кромки воды. Я прополз шагов тридцать и упал на погруженное в воду тело Тимоти. Опираясь на него одной рукой, я снова встал. Верхняя часть тела плавала на поверхности, но я сообразил, что ногами он касается дна. Я приставил лицо к его рту. Да, он дышал. Изо всех сил я старался подсунуть руки ему под плечи, но понял, что таким способом мне его не вытянуть, он слишком тяжелый. Тогда я сцепил руки у него под подбородком и начал тащить его из воды. Он издавал какие-то странные звуки, но не пытался помочь мне. Мне показалось, что прошла целая вечность, пока я вытащил Тимоти из моря и положил на мокрый песок. Он, наверно, весил двести двадцать или двести тридцать фунтов, и мне удавалось за один рывок сдвинуть его всего на два-три дюйма. Я

просидел рядом с ним, может быть, час, а может, и больше, и он спокойно лежал на жарком солнце. Теперь дыхание уже не вырывалось с таким трудом и стало меньше хрипов. Потом я вдруг понял, что он снова дрожит. Я не мог втащить его по склону холма в хижину, поэтому нарвал листьев дикого винограда и накрыл все его тело. Листья по крайней мере защищали от солнечных лучей. Потом я сбегал в хижину и принес воды. Поднял его голову и приказал ему пить. Одной рукой я нашел его губы и приставил кружку к подбородку. Он вроде бы понял, что это вода, и выпил до дна. Пока Тимоти спал, я сидел рядом. Это был бесконечно длинный день. Когда он проснулся, уже наступил вечер и снова стало холоднее. Теперь он дышал легко, и я подумал, что лихорадка кончилась, потому что лоб его больше не горел.

— « Фи-ли-ип, как я попал сюда, на берег»? — спросил он слабым голосом и сел.

Я рассказал, как он бежал по склону холма.

— « Это дьявольская лихорадка»! — вздохнул Тимоти.

— « Вы вошли в воду. Вы ужасно напугали меня, Тимоти», — я тоже вздохнул.

— « Это правда, — согласился он. — У меня голова горела диким пламенем, и я решил сунуть ее в воду».

Я помог ему встать на ноги, и мы начали медленно подниматься на холм. Тимоти опирался на меня. Первый раз ему понадобилась поддержка. Признаться, силы так никогда к нему и не вернулись.

Глава 13.

По-моему, к концу мая Тимоти решил, что нас могут и не спасти, и нам предстоит остаться на этом острове навсегда. Мы не видели ни одной шхуны и только один раз слышали самолет, когда еще дрейфовали на плоту. Я знаю, что это был конец мая, потому что Тимоти каждый день бросал один маленький камушек в консервную банку, которую нашел на берегу. Для нас это был единственный способ узнать, сколько времени мы уже прожили на острове. Очень часто я садился и считал их, начиная с девятого апреля. В тот день в банке было сорок восемь камней. Помню, как сейчас, в тот день Тимоти задумчиво проговорил:

— « Фи-ли-ип, тебе когда-нибудь приходило в голову, что в какое-нибудь утро я могу опять стать совсем никудышным»?

Я понял, что он имеет в виду лихорадку и малярию, и ответил, что думал об этом.

— « Значит, ты должен уметь сам прокормить себя, научиться ловить рыбу».

Потом он больше недели занимался тем, что превращал гвозди в рыболовные крючки. Я догадался об этом по звуку. Сам Тимоти ловил рыбу или лангустов своеобразным копьем, палкой с заостренным концом. Но я, конечно, не мог видеть в воде рыбу или лангуста. Так что его способ мне не годился. И я знал, что Тимоти делает крючки для меня.

— « Я нашел вопиюще хорошую яму возле рифов и в безопасном месте», — тоном заговорщика сообщил он.

Мы спустились с холма и пошли по скалам рифа. Теперь ноги у меня так загрубели, что я не чувствовал острых ракушек и выступов кораллов. Но я знал, что в маленьких лужах между скалами прятались морские ежи. Наступишь ему на спину, — и острые иголки вопьются в ступню. Тимоти предупредил меня, что «они вопиюще ядовитые, и ужасная боль долго не проходит». Через каждые два фута Тимоти вбил в трещины между кораллами деревянные вехи, чтобы я сам мог найти дорогу, если пойду один. Ни он, ни я

не знали, что делать с морскими ежами, чтобы мне не наступать на них. И Тимоти сказал, что все время думает, как их прогнать. Он взял большой камень и во всех прудиках вдоль рифа раздавил ежей. Но ведь они могли приплыть снова. Мы прошли по рифу футов пятьдесят, и Тимоти сказал:
— « Тут мы будем ловить рыбу».
Он рассказал мне, как выглядит яма. Она была футов двадцать в диаметре и футов шесть или восемь глубиной, дно песчаное и в основном свободное от кораллов, так что мой крючок не должен был за них цепляться. Еще Тимоти объяснил, что от этой ямы отходит « канал» и рыба может свободно заплывать и выплывать из прудика с коралловыми стенками.
Он взял мою руку и провел ею по краям ямы, чтобы я почувствовал все выступы. Море за столетия хорошо разгладило кораллы. А Тимоти объяснил, что песок в морской воде действует на острые края кораллов как наждачный камень. Стенки были довольно шершавыми, но без острых выступов.
— « Сейчас нагнись и набери моллюсков», — велел Тимоти.
Стоя на коленях и перегнувшись через край ямы, я опустил руку в теплую воду и почти сразу нащупал раковину. Но когда я стал отрывать ее от стенки, то потерял равновесие, и только рука Тимоти удержала меня от падения в пруд. Если человек слеп, то последствия падения могут быть ужасающими. Во мне еще болезненно жила память о падении с плота.
— « Теперь отдохни, Фи-ли-ип, — мягко проговорил Тимоти. — Посиди и расслабься. Если ты упадешь в пруд, не рвись сразу вверх, побудь с минуту спокойно, почувствуй, в какую сторону течет вода, и плыви по течению, оно вынесет тебя к выступу, хватайся за него и вылезай наверх».
Потом Тимоти водил моей рукой, когда я открывал раковину и вытаскивал скользкую мякоть, чтобы сделать из нее приманку и насадить на крючок.
— « Это вопиюще острый нож, будь очень осторожен, а то порежешь пальцы», —приговаривал Тимоти.
И потом велел мне ощупать крючок и насадить мякоть мидии на острие. Я много раз рыбачил с отцом, и это мне удалось легко.
Ржавые болты служили грузилом. Тимоти нашел выброшенные морем доски с болтами. Доски сжег, а болты вытащил из пепла. Еще он расплел трос, которым мы привязывали плот, и сделал из одной нити леску.
Я опустил крючок и грузило в пруд. И почти в ту же минуту почувствовал резкий рывок. Я подсек и выдернул леску так, что рыба шлепнулась на рифы. Тимоти похваливал и подбадривал меня и сказал, чтобы я ощупал всю леску, пока не наткнусь на прыгающую рыбу. Потом я осторожно снял ее с крючка. У меня в руке извивалась и дергалась маленькая рыба, толстая и с круглыми боками. Я повернулся в ту сторону, где должен был быть Тимоти, и улыбнулся. Раньше я ловил рыбу для забавы. А сейчас у меня было чувство, будто я совершаю что- то необыкновенное. Ведь мне приходилось заново учиться делать даже то, что я умел раньше, делать на ощупь, изучая предмет пальцами.
— « Это вопиюще, дьявольски хорошая рыба», — сказал я Тимоти.
И он засмеялся от удовольствия.
После этого я каждый день ловил для нас рыбу. Конечно, Тимоти продолжал выискивать лангустов. За ними надо было нырять. Но рыбу ловил я. На третье утро он позволил мне

идти на рифы одному. По вехам, которые Тимоти вбил в щели между кораллами, я нащупал дорогу, без труда нашел пруд, сам оторвал от стенок мидии и забросил крючок и грузило. Хотя я рыбачил на рифе один, но все равно всегда чувствовал, что Тимоти сидит где-то недалеко на берегу. От его присутствия во мне прибавлялось уверенности, и, когда я возвращался с уловом, приятно было знать, что он ждет меня в хижине. Мы часто говорили о нашем коралловом острове и о том, что росло на нем. Тимоти никогда не задумывался над этим и считал само собой разумеющимся, что остров всегда был в море. А я рассказывал ему все, что мы в школе учили по географии. К примеру, что причиной появления такого острова может быть вулкан. И вся Пасть Дьявола, вероятно, имеет вулканическое происхождение. Тимоти зачарованно слушал меня и от удивления почти терял способность говорить. Мы оба удивлялись, как маленькие существа, которых называют кораллами, за десятки и сотни тысяч лет строят фундамент для сотен островов.
— « Потом на этом фундаменте начинает оседать морской песок, и через много-много тысяч лет в конце концов появляется остров», — рассказывал я.
Тимоти слушал мой рассказ так, будто перед ним открывался новый мир, и все время повторял свое любимое выражение:
— « Это правда»?
Потом я догадался, что Тимоти понятия не имеет, как вьющиеся растения, кусты и пальмы попали на такой заброшенный в океане остров, и рассказал ему все, что знал.
— « Семена могли быть намыты на берег морем, или их занесли птицы. После дождя попавшие на остров семена пустили корни».
— « А ящерицы»? — строго спросил он.
— « Держу пари, что птица, летевшая на другой остров, держала в клюве ящерицу-мамашу и случайно выронила здесь. Потом родились маленькие ящерицы. Или, может быть, ящерицу-мамашу на доске выбросило на берег приливом после шторма».
На Тимоти мои рассказы производили сильное впечатление. А я очень радовался, что могу ему что-то рассказать. Мы с ним всегда находили, о чем поговорить. По-моему, на пятый день после того, как научился ловить рыбу на ощупь, я вдруг выпалил:
— « Тимоти, сейчас я полезу на пальму».
— « Ох-ох-ох, Фи-ли-ип, — пробормотал он, и я мысленно увидел ухмылку на его широком лице и блеск в глазах, когда он посмотрел на небо. — Тут есть одна пальма, у которой ствол согнулся и стал будто спинка лошади. Вот на нее и можно влезть».
Я немножко дрожал от страха, когда Тимоти привел меня к дереву, говоря, что сначала надо подняться совсем невысоко и лезть, как обезьяна. Если я сумею, то он крикнет, и я спущусь вниз. Тогда я возьму нож в зубы и полезу снова уже за кокосовыми орехами. Ствол пальмы, должно быть, был фута два в диаметре, поэтому я мог легко обхватить его руками. Я вцепился в него и, сжавшись, уперся ногами в круглый ствол и начал карабкаться вверх. Наверно, Тимоти следил за мной, затаив дыхание. Я поднялся футов на десять и застыл. Теперь я не мог бы ни спуститься вниз, ни лезть дальше. Руки и ноги у меня онемели от страха.
Тимоти стоял внизу, чтобы поймать меня, если я упаду, и ласково уговаривал:
— « Фи-ли-ип, это совсем не стыдно облегчить себе жизнь и просто спрыгнуть на песок».
Медленно, дюйм за дюймом я начал скользить вниз по стволу, чувствуя грубую кору под ногами и руками. Но сильней всего я чувствовал разочарование Тимоти. Я был в

нескольких футах от земли, когда, набрав побольше воздуха, сказал себе: «Дурак, ведь если ты упадешь, то упадешь на песок». И после этого я начал снова карабкаться вверх.
— « Ты забыл нож», — крикнул снизу Тимоти.
Но я знал — если сейчас остановлюсь, то уже никогда не влезу на пальму. Я ничего ему не ответил, а ноги и руки почти автоматически продолжали движение. Потом до меня донесся его голос:
— « Фи-ли-ип, ты уже добрался до вершины».
Сухие листья пальмы касались моей головы. Я ухватился руками за основание одного из них, подтянулся и забросил себя на него. Тимоти внизу взревел от восторга. Потом он рассказал мне, как найти орехи. У меня ушло много времени на то, чтобы ухватиться за кокос, дергать его и перекручивать черенок, на котором он держался. Но наконец два ореха полетели вниз. Я посидел на пальме еще несколько минут, чтобы отдохнуть, и потом соскользнул вниз, чувствуя себя победителем. Когда мои ноги коснулись земли, Тимоти обнял меня и закричал:
— « Теперь эта пальма нас больше не пугает»!
Мы выпили до капли все молоко из двух орехов и устроили праздничный обед из свежей мякоти. Сидя на корточках недалеко от меня и вгрызаясь зубами в мякоть кокоса, Тимоти довольно проговорил:
— « Видишь, Фи-ли-ип, теперь ты не нуждаешься в глазах. Ты без глаз сделал то, что я не могу сделать со всем моим телом».
Наш пир был похож на праздник по случаю моего окончания школы выживания, которую устроил для меня Тимоти со дня нашей высадки на остров. В ту ночь пошел дождь, легкий и без ветра. Даже наша крыша не пропустила ни одной его капли. Тимоти тихо дышал на соседнем матраце. Я жил рядом с ним каждую минуту дня и ночи вот уже два месяца, но не видел его. Я вспоминал некрасивое лицо со шрамом, и сейчас оно вовсе не казалось мне некрасивым. Только добрым.
— « Тимоти, вы все еще черный»? — спросил я.
Его смех наполнил хижину.

Глава 14.

Однажды в очень жаркий июльский полдень мы спустились к северному берегу, где Тимоти нашел недалеко от пляжа целую колонию гребешков, очень вкусных моллюсков. Это был самый жаркий день из всех, что мы прожили на острове. Такой жаркий, что казалось, будто мы дышим огнем. И первый раз перестали дуть пассаты. Остров замер, ни один лист не шевелился. Пляж на северном берегу отличался от всех других. Я чувствовал ступней, что песок здесь грубее, а камни острее. На ощупь здесь все казалось другим. Но это различие вроде бы противоречило здравому смыслу, ведь северный берег отстоял от южного меньше чем на милю.
— « Моряки знают, что мрачный берег есть на каждом острове», — постарался объяснить мне Тимоти, но он не мог сказать, почему берег кажется мрачным.
Только он вынес на песок пригоршню гребешков, как вдруг мы услышали ружейный выстрел. Тимоти быстро подошел ко мне и проговорил:
— « Это большая беда».
Беда? А я-то решил, что кто-то обнаружил наш остров. Разве это беда?
— « Кто стреляет»? — взволнованно спросил я.

— « Море», — ответил он.
— « Море не может выстрелить из ружья», — засмеялся я.
— « Оно трещит, будто ружье. — В голосе у него звучала тревога. — Оно может выстрелить, не сомневайся, Фи-ли-ип, может. Оно предупреждает нас, что идет очень плохой шторм, буря».
Вообще-то я не очень поверил ему. Но как бы то ни было, этот треск определенно был похож на выстрел из ружья или из пистолета.
— « Это стреляют волны, — озабоченно продолжал он. — Очень далеко, может быть, на Гренадинах или в этой ужасной бухте, где Гондурас. Идет ураган, молодой мистер, я чувствую его. А то, что мы слышали, это волна проходит через его вопиюще дьявольский пункт».
Я услышал, как Тимоти, принюхиваясь, с шумом втягивает воздух, будто хочет почувствовать запах приближающегося урагана. А пока вокруг нашего острова стояла бездыханная тишина. Тимоти сказал, что море гладкое и неподвижное, как зеленое желе. Но вода уже начинает мутнеть. И нигде ни одной птицы. А небо желтое, что тоже предсказывает ураган.
— « Пойдем, нам надо многое сделать. Гребешки могут подождать, они останутся такими же и после бури».
И мы направились к нашему холму. В тот момент я понял, почему Тимоти выбрал для нашей хижины самое высокое место на острове. Но при урагане сорок футов высоты волнам не помеха, они могут перекатываться через холм, унося все с собой. Первое, что сделал Тимоти, — привязал наш бочонок с водой высоко-высоко к стволу пальмы. Потом он взял оставшийся кусок веревки и несколько раз обмотал ее вокруг самого крепкого ствола пальмы, а потом закрепил узлом.
— « В случае если ураган поднимется на холм, привяжи, Фи-ли-ип, руки к веревке и повисни на ней».
Только теперь я догадался, почему он так бережливо использовал веревку, оставшуюся от плота, почему он сплел для меня путеводную веревку с холма на восточный берег из стеблей дикого винограда, а не привязал эту. Каждый день я узнавал новое из того, что сделал Тимоти для нашего выживания. В полдень он объяснил мне, что это ненормальный шторм, потому что обычно штормы не приходят раньше сентября или октября. Иногда в августе. А в июле очень редко.
— « Но в этом году море сердитое, — добавил он. — Ему не нравится принимать столько умерших, столько смертей. Война».
Тимоти рассказал, что штормы рождаются на востоке Северной Атлантики к югу от Островов Зеленого Мыса и там же теряют половину силы. Но иногда, когда они ненормальные и ранние, штормы зарождаются гораздо ближе, в треугольнике, вершина которого северный край Южной Америки. Очень редко они случаются в июне или июле и тогда проходят недалеко от островов Провиденс и Сан-Андре. Совсем рядом с нами. В июне штормы противные, но в июле — очень опасные.
— « Это будет западный шторм, я чувствую. Когда они сюда приходят с запада, то еще сохраняют вопиющую силу», — закончил Тимоти свою маленькую лекцию.
Даже кот Стью начал нервничать. Куда бы я ни пошел, он все время держался у моих ног. Я спросил у Тимоти, как нам спасти Стью.

Он засмеялся:
— « Если будет слишком страшно, Стью залезет на пальму с подветренной стороны. О нем не беспокойся. Стью сам о себе позаботится».
Но я все равно ужасно боялся. Мысль о том, что я могу потерять кого-нибудь из них, была непереносима. Если на острове случится что-нибудь плохое, я хотел бы, чтобы случилось со всеми тремя. День близился к вечеру, а на острове ничего не менялось. Только вроде бы стало еще жарче. Тимоти все время работал на плоту: снимал вещи, которые могли бы нам пригодиться, и относил на холм. Он считал, что плот сорвет ураганом и мы его больше никогда не увидим. Или же его забросит на холм, и мы не сможем спустить его на воду. Тимоти вовсе не собирался меня пугать, говоря о силе и опасности шторма, он просто не скрывал от меня правды. У него уже был опыт, и поэтому он сам страшно испугался.
— « В двадцать восьмом году я плавал на « Гетти Ред» к югу от Антигуа. И там на нас налетела буря. Ветер дул такой вопиющий, что шхуна разлетелась на кусочки, будто ее раскололи топором. Меня море вышвырнуло на берег с такой яростью, что ни один человек не поверил, что я еще живой. И больше никого с «Гетти Ред» не осталось, кроме меня».
Я понимал, что весь нынешний день у Тимоти перед глазами стояло разбушевавшееся море, которое вышвырнуло его на берег почти пятнадцать лет назад. Вечером мы плотно поужинали, съев гораздо больше, чем обычно. Тимоти предполагал, что, может быть, теперь нам несколько дней не удастся поесть. Мы съели рыбу и мякоть кокосового ореха, и каждый из нас выпил несколько кружек кокосового молока. Еще Тимоти боялся, что вдруг после шторма рыба не сразу вернется на рифы и пройдет целая неделя, прежде чем мы снова сможем рыбачить. И он сказал, что рыба уже ушла в глубокие воды. Когда мы кончили ужинать, Тимоти аккуратно вытер нож и положил его в металлическую коробку, которую привязал высоко-высоко к той же пальме, где висел наш бочонок с водой.
— « Ну, вот мы и готовы, Фи-ли-ип», — вздохнул Тимоти.

Глава 15.

К вечеру воздух словно сгустился и стал еще горячее. Тимоти описывал мне, как выглядит небо на закате. Он сказал, что небо огненно-красное и затянуто высокими облаками, будто тоненькой вуалью. На нашем острове стояла такая тишина, что мы слышали шуршание ящериц по песку. Перед наступлением темноты Тимоти предупредил меня:

— « Уже недолго ждать, Фи-ли-ип».

Мы почувствовали на горевших щеках легкий ветерок, он постепенно принялся морщить до тех пор гладкое море. Тимоти сказал, что видит на западе очень черные тучи, они

изогнулись дугой и, похоже, вот-вот соединятся с высокими облаками. Я взял Стью на руки и крепко прижал к себе, мы сидели и молча ждали урагана. Пока же легкий теплый ветерок приятно освежал лицо. Но уже налетали сильные порывы ветра, от них шелестели сухие листья пальм, и содрогалась наша маленькая хижина. Когда совсем стемнело, первые капли дождя застучали по крыше и ветер вдруг стал холодным. Во время порывов ветра дождь барабанил по хижине так, будто кто-то кидал в нее пригоршнями гравий. Потом ветер дул уже не порывами, а не переставая и со страшной силой. Тимоти вышел из хижины, чтобы взглянуть на небо.

— « Сейчас тучи кипят прямо над нами, — закричал он. — Это ураган, не сомневайся, Фи-ли-ип»!

Ветер с силой швырял волны на берег, и мы слышали, с каким страшным грохотом и треском они обрушиваются на скалы.

Тимоти быстро нырнул в хижину и, заслонив своим большим телом вход, встал так, чтобы в любой момент повиснуть на каркасе, державшем наш дом, с тем чтобы как можно дольше не дать ветру опрокинуть его. Я почувствовал вокруг ступней какое-то движение. Кто-то ползал по полу. Я испугался и крикнул Тимоти. — Ничего страшного, это ящерица, она поднялась на холм, чтобы укрыться от воды. Теперь дождь заливал хижину и непрерывно ревел ветер. Грохот прибоя звучал совсем близко. Как бы узнать, подумал я, вода уже начала подниматься на наш холм? Дождь стал ледяным, я промок с головы до ног и начал дрожать, но больше от мысли, что море вот-вот перекатится через нашу хижину и вдруг унесет нас с Тимоти и Стью с собой, чем от внезапного холода. Через минуту раздался такой звук, будто что-то раскололось, и Тимоти упал на пол рядом со мной, закрыв мое тело своим. Наша хижина подпрыгнула и улетела.

— « Фи-ли-ип, прижми голову к земле», — закричал Тимоти.

Я перевернулся на живот и прижался щекой к мокрому песку. Стью спрятался посередине между нами. Теперь рев урагана заглушал все звуки. Разбушевавшееся море даже забивало вой ветра. Капли дождя колотили меня по спине будто тяжелые ягоды, которыми стреляли из дюжины духовых ружей. И тут вдруг что-то тяжелое прокатилось у нас по спинам и унеслось дальше.

— « Дикий виноград, — прокричал Тимоти. — Шторм вырвал его с корнями».

Мы пролежали, прижавшись к земле, часа два, принимая наказание, которое устроил нам ураган, как неизбежное. Дождь лил такими потоками, что мы едва могли дышать. Потом Тимоти хрипло прорычал:

— « К пальме»!

Море уже приближалось к вершине холма, яростной белой пеной взбираясь на высоту в сорок футов. Тимоти тянул меня к пальме, я прижимал к груди Стью. Стоя спиной к шторму, Тимоти всунул мои руки в петли веревки, прижал к стволу, а потом сам встал сзади и привязал себя веревкой к пальме. Наверное, минуту спустя я почувствовал, как вода бьется об мои лодыжки, потом она поднялась до колен. На мгновение отступила и со страшной силой ударила снова. Всю ярость порывов шторма Тимоти принимал на себя, защищая меня своим телом. Когда вода отступала, она тянула нас за собой, и Тимоти боролся с ней всей силой, которая еще оставалась в этом могучем человеке. Я чувствовал, как напрягались стальные мышцы его плеч, когда он не давал морю оторвать нас от дерева и потащить на камни.

Даже стоя перед ним, прижатый к стволу пальмы, я еле выдерживал потоки дождя, которые барабанили так, будто кто- то вбивал в меня гвозди шляпками к телу. Это не был обычный ливень, падающий на землю вертикально. Во время шторма дождь летит впереди ветра и будто вообще не достигает земли, а уносится дальше. Мы, должно быть, простояли у ствола пальмы с час, когда вдруг ветер стих и дождь стал мягким и спокойным.

— « Ох-ох-ох, — глубоко вздохнул Тимоти, — теперь можем немножко передохнуть, пока другая сторона урагана налетит на остров».

Я вспомнил, что ураган — это огромный шторм, идущий кругами, а в центре у него спокойный участок.

— « С вами все в порядке, Тимоти»?

— « Я промок до костей, но все в порядке», — хрипло проговорил он.

Но я слышал, когда мы стояли, прижавшись к стволу пальмы, как он тихонько постанывал, будто ему было больно двигаться. Мы сели на землю рядом с пальмой, дождь все еще обстреливал нас, и ждали, когда спокойный участок переместится дальше, а нам придется выдерживать, как сказал Тимоти, другую сторону урагана. Вода глубиной в несколько дюймов бурлила вокруг наших ног, но не пыталась утянуть за собой. Так странно и жутко сидеть в центре урагана! Я знал, что со всех сторон мы окружены бушующим ветром, но на нашем маленьком островке было тихо и спокойно. Я подвинулся поближе к Тимоти. Он держал голову руками и будто баюкал ее, все время тихонько постанывая, словно раненое животное. Через минут двадцать или тридцать внезапно поднялся ветер и Тимоти сказал, что нам опять надо прижаться к пальме. » Не прошло и секунды, как шторм с удвоенной яростью ударил по острову. Тимоти крепко прижал меня к шершавому стволу. Во второй раз было еще хуже, чем в первый. Но я не все помню, что случилось. Мы простояли уже, наверное, минут десять, когда волна, достигшая, очевидно, середины высоты пальмы, обрушилась на нас. Вода стекала с головы, я захлебнулся и, если бы руки не были привязаны к пальме, наверняка бы рухнул на землю. Я еще не отдышался, как вторая гигантская волна ударила сверху. Я потерял сознание, по-моему, Тимоти тоже. Когда я пришел в себя, ветер стих, налетая редкими порывами, вода еще плескалась у лодыжек, но вроде бы постепенно возвращалась в море. Тимоти все еще стоял, прижимая меня к стволу, но тело у него было холодное и вялое. Казалось, его держала только веревка, он обвис и уронил голову мне на плечо.

— « Тимоти, просыпайтесь», — сказал я.

Он не ответил.

Дергая плечами, я пытался потрясти его, но массивное тело не шелохнулось. Тогда я замер, чтобы понять, дышит он или нет. Я почувствовал, как поднимается и опускается у него живот. Теперь я знал, что Тимоти не умер. Но Стью куда-то исчез. Я возился несколько минут, высвобождая руки из петель веревки, обмотанной вокруг пальмы, и потом выскользнул из-под его тела. Тимоти безвольно упал на ствол. Я прощупал всю веревку, которой он обмотал плечи, привязав себя к стволу, и наконец нашел узлы. Своим весом он сильно затянул их, и я долго возился и с трудом справился, хотя это были морские узлы, и он оставил петли, чтобы легче было развязать. К тому же веревка была мокрая, от этого распутать ее было еще тяжелее. Наверное, полчаса я пыхтел над узлами, прежде чем высвободил Тимоти. Он упал на спину и лежал на мокром песке и тихо

стонал. Я понимал, что почти ничего не могу сделать, чтобы помочь ему, только сидеть рядом и держать его руку. В моем мире темноты я научился понимать, что держать руку — это тоже своего рода лекарство. По-моему, прошло очень много времени, прежде чем Тимоти пришел в себя. Его первые слова, которые он произнес слабым, дрожащим голосом, были обо мне:

— « Фи-ли-ип.. с тобой... все в порядке... это правда»?

— « Со мной все в порядке, Тимоти».

— « Ужасная буря», — полупроговорил, полупростонал он.

Потом он, наверно, перевернулся на живот, потому что его левая рука резко вырвалась из моей, и, как я догадался, заснул. Я потрогал его спину. Она были теплая и липкая. Я провел рукой вниз: ветер и море до крови исполосовали спину Тимоти, которую еще раньше измолотил дождь мелкими песчинками, они содрали кожу со спины и с ног. На нем почти не осталось неповрежденного места. Из спины сочилась кровь, но я ничего не мог сделать, чтобы остановить её. Всё его тело ничем не было прикрыто, я ощупал себя и вдруг понял, что я тоже совершенно голый. Ветер и море сорвали с нас остатки одежды. Я нашел его тяжелую, твердую руку, обнял ее своей и лег рядом. Скоро я тоже заснул. Я проснулся поздно, по-моему, уже давно рассвело. Дождь перестал, и ветер стих до своего обычного шепота. Но мне показалось, что небо еще затянуто облаками, потому что я не чувствовал солнца.

— « Тимоти»! — сказал я, но он не ответил.

Его рука в моей была холодной и одеревеневшей. Старый Тимоти из Шарлотты-Амалии умер.

Я долго сидел рядом с ним, страшно усталый, и думал, почему он не взял меня с собой, если уж решил уйти. Тогда я не плакал. Бывает такое время, когда нет слез. Потом я снова уснул и, когда проснулся, услышал мяуканье. И заплакал. Прижимая к себе Стью, я проплакал очень долго. Я слеп и одинок на забытом Богом острове. Кроме кота Стью у меня никого нет.

Глава 16.

Ближе к вечеру я пошел по холму на запад и в тридцати или сорока шагах от последней пальмы начал копать могилу для Тимоти. Сначала я разгреб сухие пальмовые листья, стебли дикого винограда, щепки и доски, дохлых рыб, обломки кораллов, ракушки — все, что море принесло на холм. Я наметил участок футов семь длиной и фута четыре шириной. Потом руками начал копать яму. Сначала я сердился на Тимоти и пожаловался коту:

— « Стью, почему он оставил нас здесь одних»?

Но когда я копал, мне пришли в голову другие мысли. Подставив свою могучую спину шторму, приняв на себя всю его ярость, он дал мне шанс выжить. Когда мой дедушка умер, отец сказал: « Филип, люди иногда умирают потому, что они очень-очень устали». По-моему, это и случилось с Тимоти. Еще я подумал, что если бы мог видеть, то вряд ли у меня хватило бы сил пережить все случившееся. Очень странно, темнота закрыла для меня внешний мир и отделила от него. Но получилось так, будто слепота защищала меня от страха. Я похоронил Тимоти и положил камни в изголовье могилы, чтобы запомнить это место. Я не знал, что сказать над могилой, и произнес только:

« Спасибо тебе, Тимоти », а потом поднял лицо к небу и добавил:

« Боже, позаботься о нем, он был добр ко мне». Вроде бы больше нечего было говорить, и я просто молча стоял у его могилы. Не знаю, долго ли я так простоял, время для меня будто остановилось. Потом я решил на ощупь найти дорогу к тому месту, где стояла наша хижина. Я наткнулся на доски и подтащил их к основанию пальмы, на которой с подветренной стороны были привязаны бочонок с водой и металлическая коробка, куда Тимоти спрятал нож. Почти весь остаток дня у меня ушел на то, чтобы спустить на землю бочонок и металлическую коробку. Когда наконец я поставил их на песок и открыл пробку, то обнаружил, что вода еще свежая. И спички, завернутые в целлофан, в коробке не промокли. Но две маленьких дольки шоколада, которые мы с Тимоти берегли для «праздничного» обеда, растаяли. Впрочем, они мне и не нравились, так что я совсем не огорчился. Я чувствовал ступнями, что после шторма наш остров превратился в мусорную свалку. Я начал расчищать то место, где мы проводили время, наш «привал», или то, что осталось от него. Я собрал все пальмовые листья, сорванные ветром, и сложил в одном месте, а мокрые обломки досок и щепки в другом. Стью постоянно болтался у меня под ногами, и я то и дело спотыкался об него. Так вдвоем с ним мы провозились до тех пор, пока мне не показалось, что, наверно, уже темно. В куче вырванного с корнем дикого винограда, водорослей и щепок я нашел один упавший кокос, открыл его и съел мякоть. Предложил половину Стью, но он отверг мое угощение. После ужина я сделал постель из листьев пальмы и растянулся на ней. Я лежал, слушал еще сердитый грохот моря, угрожающе бившегося о рифы, и думал. Я должен кормить себя и кота. Я должен снова поставить нашу хижину и на восточном берегу сложить костер для сигнального огня. И я должен каждый день прислушиваться, не раздастся ли в небе гудение самолета. Я помнил, что Тимоти уже, не надеялся, что какая-нибудь шхуна рискнет приблизиться к опасной Пасти Дьявола. Конечно, море унесло вехи, вбитые Тимоти в щели между кораллами, по которым я мог бы найти дорогу к рифу. И конечно, ветер порвал и запутал веревку, сплетенную из стеблей дикого винограда, чтобы мне легче было спускаться с холма на берег. И в тот момент первый раз я полностью понял, почему Тимоти так настойчиво тренировал меня, чтобы я мог ходить по острову и рифу... Да, и по рифу. Но как я могу ловить рыбу, если у меня нет никаких снастей? Конечно, море унесло их. Потом я вспомнил, как Тимоти говорил, что спрятал крючки в надежном месте. Беда только в том, что он забыл сказать мне где. Тогда я встал и начал ощупывать руками стволы пальм. И на одной из них я задел рукой веревку и пробежал по ней пальцами. Да, вот они! С подветренной стороны. И не два или три, а по меньшей мере дюжина. Крючки с зазубренными бородками и несколько болтов-грузил. Это была самая главная часть наследства, оставленного мне Тимоти. На следующее утро солнце уже светило во всю силу. Я чувствовал его у себя на щеках. Остров начал подсыхать, а в полдень я услышал первые крики птиц. Они вернулись. Постепенно я научился узнавать время, конечно, очень приблизительно. Я поворачивал голову в ту сторону, откуда шло солнечное тепло. Если лучи солнца падали прямо на голову, значит, было близко к полудню или за полдень. Если же лучи падали низко, тогда, понятно, было или раннее утро или поздний вечер. Мне предстояло столько сделать, что я даже не знал, с чего начать. Разжечь костер у хижины, собрать новые дрова для сигнального огня, сделать вместо пропавшего новое корыто, в которое буду собирать дождевую воду, сплести матрац из волокон листьев пальмы, чтобы удобнее было спать. Потом надо восстановить хижину или хотя бы сделать себе какое-то

укрытие. Наловить рыбу в прудике, на рифе, который показал мне Тимоти. Проверить, не осталось ли на кокосовых пальмах орехов. Вообще-то я не надеялся найти кокосы, вряд ли шторм обошел их стороной. Придется обыскать весь остров, чтобы найти наследство, принесенное ветром и морем. Работы предстояло на долгие недели. Я сказал Стью:
— « Не представляю, как мы с тобой справимся».
Но что-то подсказывало мне, что я должен все время находить работу, быть очень занятым и не думать о себе. За три дня я закончил все, что наметил, и даже наточил на кораллах нож Тимоти. Я воткнул его в ствол пальмы недалеко от моего нового жилища, чтобы всегда знать, где его найти, если понадобится. Теперь без глаз Тимоти мне надо самому все находить в своем мире, поэтому у каждой вещи должно быть определенное место.
На пятый день после шторма я начал прочесывать остров, чтобы собрать наследство, оставленное морем. Это было очень интересно, и я знал, что у меня уйдут дни и недели, прежде чем я выполню всю работу. Сделав себе другую палку, я сначала пошел на восточный берег и ходил взад и вперед от подножия холма к кромке воды и ощупывал все, за что задевала палка. Иногда я долго сидел на песке и изучал пальцами находку, чтобы определить, что же я держу в руках. Я нашел несколько больших консервных банок и сделал из одной «календарь», бросив в неё сразу пять камушков. Так я начал свое летосчисление с ночи, когда на нас налетел шторм. Потом раскопал в песке старую щетку и большой деревянный ящик, из которого решил сделать настоящий стол. Я даже наткнулся на кусок полотна и раздумывал, как бы сделать из него штаны. Но у меня не было ни иголки, ни умения. Кроме этого, я нашел много ракушек, несколько мертвых птиц, куски пробки и толстую губку, но больше ничего по-настоящему полезного для моего хозяйства не попалось. На шестой день после шторма, когда я обследовал южный берег, вдруг начался страшный гомон птиц. Как обычно, за мной по пятам плелся Стью, и он сердито зашипел, когда птицы подняли хриплый визг. Они кричали очень сердито, и я дога дался, что там их, наверное, семь или восемь, и они вьются в воздухе над моей головой. Я остановился и прислушался, пытаясь определить, что это за птицы. Потом почувствовал удар крыла по щеке, раздался сердитый, будто потрескивавший звук, и птица спикировала мне на голову. Я отскочил в сторону, размахивая палкой и удивляясь, с чего это птицы решили напасть на меня? С тем же скрипучим звуком еще одна птица атаковала меня и клюнула в голову. На мгновение я растерялся, не зная, что делать. Или скорее бежать и спрятаться среди дикого винограда, если после шторма он еще остался здесь, или начать отбиваться от птиц палкой. Мне показалось, что их очень много. В это время одна из них больно клюнула меня в лоб возле глаза, и я почувствовал, как кровь побежала по лицу. Я начал медленно отступать к своему новому жилью. Но едва сделав три или четыре шага, споткнулся о бревно и упал на песок. И в ту же минуту почувствовал острую боль в затылке. Потом раздался яростный крик птицы, и она еще раз клюнула меня в голову. Потом другая птица опустилась мне на спину. Раздалось воинственное рычание кота, он тоже прыгнул мне на спину, вцепившись когтями в кожу. Снова раздался ужасный визг, и Стью, подпрыгнув, куда-то исчез с моей спины.
Я слышал его урчание и клекот раненой птицы. Я слышал, как они бились на песке. Потом до меня донесся хрип умиравшей птицы. Я полежал еще мгновение и пополз на звук, туда, где Стью приканчивал свою жертву. Я потрогал его. Тело у кота было напряжено, как сжатая пружина, и шерсть еще стояла дыбом. Он рычал и урчал одновременно. Потом я

потрогал птицу, по крику она казалась мне большой, а на самом деле была скорее маленькой. Потрогал клюв — очень острый. Постепенно Стью стал расслабляться. Все еще удивляясь, почему птицы вдруг напали на меня, я стал ощупывать песок. И скоро рука наткнулась на теплое, как я догадался, яйцо. Теперь я понимал птиц. Нечаянно я разорил их гнездо. Птицы тоже боролись после шторма за выживание, как боролся и я. Оставив Стью доканчивать свой неожиданный «праздничный» обед, я медленно побрел назад к своему костру.

Глава 17.

Мой «календарь» пополнился десятью камушками, когда я решил сделать то, что Тимоти велел мне никогда не делать. Мне надоело есть рыбу и листья дикого винограда и хотелось сберечь несколько зеленых кокосов, которые я сумел найти на земле. На пальмах не осталось ни одного. Почему бы не поджарить на костре мидии или лангуста и не устроить себе маленький пир? Конечно, я не рискнул бы пойти за мидиями на северный берег, потому что там могли быть акулы. Но, подумал я, может быть, мне удастся найти лангустов, прилепившихся к кораллам на дне нашего рыбного пруда. Я помнил, как Тимоти говорил мне, что море вливается в пруд между кораллами через очень маленькое отверстие, и большая рыба, вроде акулы, в него не пройдет. Барракуда, говорил он, может пройти, но она не всегда бывает опасна. Если там вдруг окажется спрут, то скорей всего просто крохотный. Большие всегда держатся на глубине. Так что, заверил меня он, для него вовсе не опасно нырять на дно пруда. Я заострил конец палки так, как это сделал Тимоти, но все равно в душе был готов к неудаче. Потому что если нащупаю лангуста левой рукой, то правой должен действовать молниеносно, иначе лангуст, оттолкнувшись от меня хвостом, уйдет в песок. Вместе со Стью я спустился к рифу и стал нащупывать дорогу и наконец нашел знакомые края нашего пруда. Я сказал Стью:

— « Если я через двадцать минут не вынырну, то тебе лучше прыгнуть туда и вытащить меня».

Кот потерся о мою ногу и замурлыкал. Держа палку с острым концом в правой руке, я соскользнул в теплую воду и с минуту полежал в ней, ожидая, не всплывет ли что-нибудь. Потом всунул голову под воду и проплыл несколько футов вниз. И снова вынырнул. Я не сомневался, что в пруду ничего нет, кроме мелкой рыбешки, которую я ловлю каждое утро. Через несколько минут я собрал все свое мужество и нырнул на дно, теперь держа острую палку в левой руке, а правой ощупывая кораллы и камни. Время от времени я выныривал на поверхность, чтобы набрать воздуха, потом снова опускался и методично проверял пальцами дно: вот водоросли, вот морские опахала, коралл-органчик и толстые старые скопления кораллов. Несколько раз у меня от ужаса замирало сердце, когда морские опахала или водоросли задевали по лицу. В панике я моментально всплывал на поверхность. Наверное, целых тридцать минут я никак не решался начать охотиться на лангустов. И вот наконец я, не колеблясь, нырнул, пошел прямо вниз, коснулся дна и сделал несколько шагов к коралловой стене пруда. Тимоти говорил, что лангусты всегда сидят на дне, прижавшись к камню или кораллу. К моему удивлению, сделав первый же шаг, я коснулся лангуста, воткнул в него острую палку и быстро поплыл вверх.

— « Вечером у нас омар»! — запыхавшись, прокричал я Стью, подплыл к краю, снял лангуста с палки, набрал побольше воздуха и снова нырнул.

Я нырял много раз подряд, но мне так и не удалось нащупать пальцами жесткий

панцирь, что означало бы лангуста. Я стал глубже засовывать руки в щели и нагромождения камней возле дна.
Потом вылез из воды и несколько минут отдыхал, решив, что нырну еще раз. Я очень радовался, что поймал омара, который теперь лежал на рифе, но он был очень маленький, вряд ли это можно назвать ужином для Стью и для меня. Я нырнул еще раз и почти сразу нашел то, что мне показалось входом в глубокую расщелину или по крайней мере щель, уходящую в глубь скалы. В ней обязательно должен быть большой омар, подумал я. Я поднялся вверх, набрал в легкие побольше воздуха и опять нырнул. Всунул руку в глубокую щель, и там кто-то схватил ее. В ужасе я уперся ногами в скалу, чтобы вытащить руку. Боль была страшная. И тут будто сила рук Тимоти перешла ко мне. Я дернулся, и эта штука, кто бы она ни была, выскочила из расщелины вместе с моей рукой. Ее хвост бил меня по груди. Я оттолкнулся от дна и быстро поднялся к поверхности. Этот зверь все еще держался за мое запястье, глубоко вонзив зубы. Не сомневаюсь, что я стонал и всхлипывал, когда стремительно плыл к краю пруда. Затем эта штука отцепилась от меня, когда я поднял руку над водой и стал махать ей в воздухе. Боль пронизывала всю руку до плеча. Запыхавшись, я лег на краю пруда и начал осторожно ощупывать запястье. Из укуса сочилась кровь, но не сильно. Но зубы вошли очень глубоко. Что это было за существо, тогда я так и не понял, тело у него было длинное и узкое. Много позже, просмотрев атлас рыб, я пришел к выводу, что, наверное, встретился с мурeной. Но кто бы это ни был, я больше никогда не нырял в пруд.

Глава 18.

Не проходило ни дня, ни ночи, чтобы я не прислушивался к звукам, идущим с неба. Когда я перестал видеть, то слух и осязание стали восполнять мне потерю зрения. Я научился разделять звуки и узнавать каждый в отдельности. С каждым днем я все лучше разбирался в криках птиц, летавших над островом, и, хотя понятия не имел, как они выглядят и что это за птицы, я всем им придумал названия, которые, как мне казалось, соответствовали их крикам. Я сразу угадал только жалобные вопли чаек, потому что не раз видел и слышал их, когда играл с мальчишками на крепостных стенах форта Амстердам в Виллемстаде. Я знал, как ветер шумит в зарослях дикого винограда: там он тихо шелестел мелкими листьями. Когда же он налетал на листья пальмы, которые еще оставались на деревьях после шторма, то звук получался точно хлопок. Я угадывал шуршание ящериц по песку. Удивительно, но они пережили шторм и по-прежнему оставались на острове. Я не мог понять, где же они прятались, неужели ухитрились взобраться на пальмы? А иначе где же они укрылись, когда вода затопила весь остров? Я даже чувствовал, когда кот подходит ко мне. Под его мягкими лапами сухие листья только чуть-чуть потрескивали, но я все равно слышал. Однажды в начале августа уже ближе к полудню я собирал на холме недалеко от костра сухие листья и вдруг услышал где- то очень далеко тоненькое гудение самолета. Звук приходил со стороны, противоположной направлению ветра, но все равно я слышал его очень ясно. Я быстро нагнулся и потрогал Стью. Кот тоже услышал звук. Тело у него напряглось, и он повернул голову в сторону звука. Я подбежал к костру, встал на колени и стал ощупывать его края, пока не наткнулся на конец ветки, которую тут же отбросил в сторону. Тимоти научил меня укладывать дрова в костер, как спицы колеса. Тогда в центре всегда медленно горел огонь, а по краям оставались несгоревшие концы поленьев. Я проверял костер и подкладывал дрова, наверное, раз по шесть каждый день. Я плевал на

ветку до тех пор, пока не услышал шипение. Так я убедился, что на ней достаточно жара или, может быть, огня, чтобы поджечь сухие листья пальмы в сигнальном костре на берегу. Потом прислушался. Да, с неба все еще доносилось гудение, но теперь гораздо ближе. Я помчался вниз с холма прямо к сигнальному костру, нашел на ощупь сухие листья пальмы и сунул в них горящую палку. Я дул на листья до тех пор, пока не почувствовал на лице жар пламени. Через несколько минут огонь уже ревел в костре, а я побежал на южный берег, чтобы слушать гудение самолета. Там мне не мешало потрескивание дров в костре и гул пламени. Я стал на южном берегу и слушал. Гудение самолета доносилось все ближе и ближе!

— « Сюда! Сюда! Спускайтесь вниз»! — изо всех сил вопил я, обращаясь к небу.

Надо бежать на восточный берег, решил я. Там меня скорей заметят возле костра и заново выложенного из камней призыва «Помогите»! Вот-вот самолет начнет снижаться, и я услышу густой рев моторов, когда он на небольшой высоте пролетит над островом. Я стоял, прижимая к груди Стью, у самой кромки прибоя, и ждал, и ждал, и ждал. Но никаких раскатов грома от моторов снижавшегося самолета, никакого гудения в высоте. Ничего. Только потрескивание дров в костре и монотонный шум прибоя. Я снова побежал на южный берег, замер на месте и слушал. Ничего. Самолёт улетел! Медленно, еле двигая ногами, я поплелся на восточный берег, сел в тени дикого винограда, закрыл лицо руками и зарыдал. И мне ни капельки не было стыдно, что я плачу. Теперь мне было ясно: никакой надежды оставить этот остров у меня нет и я не смогу жить всегда так, как сейчас. Стоит мне заболеть, или очередной шторм обрушит свою ярость на остров... Мне не выжить одному. Было много тяжелых и одиноких дней и ночей, но хуже, чем сегодня, еще никогда не было. Стью подошел ко мне, замяукал и потерся об ноги, я взял его на руки, и мы долго- долго просидели, прижавшись друг к другу и не шевелясь. Я все время думал, почему самолет не спустился ниже, когда пилоты увидели дым? И наконец меня осенило, наверное, они не заметили дыма. Я знал, что дым поднимается к небу. Но, может быть, это был белый дым, который потерялся в бело-го лубом небе? Или это был темный, густой дым, как от горящей нефти, который будто копотью закрывал голубизну ясного неба? Ответить на эти вопросы я не мог. Если бы только у меня были доски, пропитанные дегтем или мазутом, вроде тех, что плавают в Шоттегате возле Виллемстада! Но я знал, что море выбрасывает на берег только щепки и обломки, пробывшие в воде много недель или месяцев. В них не оставалось ничего, что могло бы дать черный густой дым. Я начал мысленно перебирать все, что есть на острове. Зеленые листья пальм могли бы гореть, давая темный дым, но, пока они не высохнут, мне не сорвать их с дерева. Зеленый дикий виноград, который растет на северном берегу, мог бы дать темный дым, но у него слишком маленькие листья. Морские водоросли! Я собрал небольшую охапку и стал разминать их пальцами. Да, определенно в них есть что-то вроде жира или нефти. Я собрал еще немного и бросил в огонь. Через мгновение я услышал треск, будто игрушечные выстрелы, такой треск, какой бывает, если бросить в воду только что поджаренную кукурузу. Теперь я знал, что надо сделать. Густой темный столб дыма, который будет подниматься с острова, приведет самолеты прямо в Пасть Дьявола. Если я еще раз услышу гудение самолета, то разожгу костер и буду бросать в него охапки водорослей до тех пор, пока не почувствую, что с острова в воздух поднимается заметный сигнал. Тимоти не подумал, что дым должен быть черным. В этом все дело! Настроение у меня чуть-чуть поднялось. Я взошел на холм

и принялся собирать сухие ветки и листья пальмы; чтобы снова положить в сигнальный костер.
20 августа 1942 года я проснулся на рассвете от сильного удара грома. Но не стал вставать, а лежал и ждал, когда первые капли дождя забарабанят по крыше хижины. У моих ног недовольно завозился и заурчал Стью.
— « Это всего лишь гром, Стью, — успокоил я кота. — Пусть пойдет дождь, ведь нам нужна вода».
Я продолжал лежать и прислушиваться и скоро понял, что это не гром. Звук был тяжелый, отрывистый и резкий, а не такой раскатистый, как от грома. Звук больше походил на взрыв или на череду взрывов. И мне показалось, что остров покачнулся, когда раздался очередной резкий, отрывистый гром. Я встал с матраца и вышел из хижины. Воздух не пах дождем. Он был сухой, и не чувствовалось тяжелой, гнетущей жары.
— « Стью, это взрывы, — объяснил я коту. — Что-то взрывают недалеко от нас».
Может быть, это эсминцы, подумал я, потому что с неба не доносилось гудения самолетов. Может быть, это эсминцы стреляют по вражеским подводным лодкам. А эти тяжелые, отрывистые, резкие звуки приходят после взрыва глубинных бомб. Отец рассказывал, что у нашего военно- морского флота есть такие бомбы, они взрываются на глубине и топят вражеские подводные лодки. На этот раз я не стал тратить времени на то, чтобы нести горящую ветку из костра к сигнальному огню на восточном берегу. Я схватил металлическую банку и нащупал завернутую в целлофан большую коробку спичек. Их осталось четыре. Я побежал вниз с холма. Возле сигнального огня я поискал шершавый камень. Нашел, встал на колени, чиркнул об него спичку. Ничего не произошло. Я ощупал головку спички. Серы на ней не было. Я чиркнул второй спичкой. Она тихо зашипела и погасла. У меня осталось две спички. И на мгновение я растерялся. Что делать: бежать к костру возле хижины и принести оттуда горящую ветку или использовать последние спички? Я замер и прислушался, чувствуя, как пот стекает по лицу. В море по-прежнему звучали взрывы. И тут я услышал гудение самолета. Набрал побольше воздуха, выдохнул и чиркнул предпоследнюю спичку. Я почувствовал слабое движение воздуха и провел левой рукой над спичкой. Руку чуть обожгло. Она горела! Я сунул ее в ворох сухих листьев и держал до тех пор, пока не обжег кончики пальцев. Огонь занялся, и через минуту уже ревело пламя. Бегая вдоль берега, я собирал водоросли. Когда я принес и бросил в огонь первую охапку, то тут же почувствовал запах копоти. Значит, водоросли загорелись. Они начали стрелять и потрескивать точно так же, как бывает, если горят настоящие доски, пропитанные мазутом. Я принес десять или пятнадцать полных охапок водорослей и все бросил в огонь, потом поворошил их в костре. Теперь я был уверен, что с острова в небо поднимается густой, жирный столб дыма. Вдруг оглушающий рев раздался у меня над головой. Теперь я знал, что самолет пролетел над островом так низко, что, наверное, чуть не задел макушки пальм. Меня обдало поднятой им воздушной волной.
— « Тимоти, они прилетели»! — вопил я, забывшись на минуту.
Вроде бы самолет сделал резкий разворот. Он снова с ревом пролетел над островом, и на этот раз будто еще ниже, потому что я почувствовал запах выхлопных газов, и меня обдало горячим воздухом.
— « Сюда! Сюда»! — кричал я, размахивая руками.

Самолет еще раз круто развернулся и пересек остров вроде бы прямо у меня над головой. Я слышал повизгивание моторов.
— « Мы спасены! Стью, мы спасены»! — орал я и прыгал на месте.
Но Стью не появлялся, наверное, он спрятался в зарослях дикого винограда, подумал я. Но, как бы то ни было, самолет перестал кружить над островом. Больше он не возвращался и не пролетал на небольшой высоте. Я услышал, что звук удаляется, и скоро он совсем умер вдали. А потом я понял, что и взрывы тоже прекратились. Знакомая тишина опустилась на остров. Силы оставили меня. Это был фактически первый реальный шанс на спасение, и, может быть, другого уже не будет. Пилот улетел, вероятно думая, что я — один из местных рыбаков, который решил поприветствовать самолет. Я догадывался, что по цвету кожи меня сейчас не отличить от коренных жителей Антильских островов. И самое ужасное, что, вероятно, дым помешал разглядеть призыв о помощи, выложенный камнями на песке. Чувствуя себя совершенно больным и разбитым, я с трудом взобрался по склону и рухнул на матрац в хижине. Я не плакал. У меня не было слез. Я хотел умереть. Немного времени спустя, посмотрев в сторону могилы Тимоти, я сказал:
— « Тимоти, почему ты не взял нас с собой»?

Глава 19.

Уже был почти полдень, когда я услышал звон колокола. Колокол звучал так, как бывало в бухте Святой Анны или в Шоттегате. Маленькие суденышки или буксиры обычно звонили в колокол, чтобы сказать механику, мол, надо ускорить или замедлить ход или дать задний ход. На мгновение мне показалось, что я слышу колокол во сне. Затем он зазвонил снова. И вместе с ударами колокола я услышал пыхтение мотора. И голоса! Они доносились с восточного берега. Я побежал вниз. Да, судя по звукам, маленькая лодка входила в Пасть Дьявола и направлялась к нашему острову.
— « Я здесь! Я здесь»! — закричал я.
Над водой пронесся ответный крик. Мужской голос.
— « Мы вас видим»!
Я стоял на восточном берегу, повернув голову в сторону звуков. О мои ноги, как обычно, терся Стью. Снова раздался удар колокола. Мотор дал обратный ход. Винт бил по воде.
— « Скотти, прыгай в воду, здесь мелко», — крикнул кто-то.
Я сразу угадал — голос американца. Теперь мотор стучал еле-еле, и кто-то шел ко мне. Я услышал шаги по песку и сказал:
— Привет.
Человек мне не ответил, наверное, он разглядывал меня. Потом закричал кому- то в лодке:
— « Боже мой! Здесь голый мальчик! И кот»!
— « Кто-нибудь еще»? — спросил другой голос из лодки.
— « Нет, только мы», — крикнул я в ответ и пошел в сторону человека на берегу.
— « Ты слепой»? — еле слышно выдохнул он.
— « Да, сэр».
— « С тобой все в порядке»? — странным, задыхающимся голосом спросил он.
— « Все отлично, сэр. Вы здесь»? — ответил я.
— « Здесь. Я помогу тебе, мальчик».
— « Если вы понесете кота Стью, то меня можно просто вести за руку к лодке».

Когда я взобрался на борт, то вспомнил, что нож Тимоти остался воткнутым в ствол пальмы. Это была единственная вещь, которую я хотел бы взять с острова. Моряк, несший кота, поднялся на холм, чтобы принести нож, а второй в это время задавал мне вопросы. Когда первый моряк вернулся с ножом, он сказал другому:
— « Ты бы в жизни не поверил тому, что я увидел на холме».
Я догадался, что он говорит о хижине и о корыте, в которое я собирал дождевую воду. Ему бы надо видеть эти вещи, когда их сделал Тимоти. Не помню всего, что случилось в следующие несколько часов, но очень скоро мне помогли подняться по сходням эсминца. На палубе все разом задали мне столько вопросов, что какой-то человек гаркнул:
— « Прекратите! Не приставайте к нему. Накормите, покажите врачу и отведите ему койку».
— « Есть, капитан», — послушно ответил голос.
Внизу в медицинском отсеке капитан спросил:
— « Как тебя зовут, сынок»?
— « Филип Энрайт. Мой отец живет в Виллемстаде. Он работает в компании «Ройял Датч-Шелл», — ответил я.
Капитан приказал кому-то передать срочное внеочередное сообщение командующему военно-морскими силами в Виллемстаде и снова обратился ко мне:
— « Как ты попал на этот маленький остров»?
— « Когда утонул пароход « Хато», мы с Тимоти дрейфовали на плоту, и нас прибило к этому острову».
— « Где Тимоти»?
Я рассказал капитану о Тимоти и о том, что случилось с нами. Не уверен, что капитан поверил моему рассказу, потому что он спокойно сказал:
— « Тебе надо, сынок, поспать. «Хато» утонул в начале апреля».
— « Да, сэр, это правда», — ответил я, и в этот момент пришел доктор, чтобы осмотреть меня.
Вечером, после того как эсминец связался с Виллемстадом, капитан снова пришел ко мне и рассказал, что его корабль выискивал в море нацистскую подводную лодку. Прикомандированный ему в помощь самолет заметил густой черный дым, поднимавшийся с острова, и сообщил об этом по радио на эсминец. В голосе капитана все еще звучало недоверие, когда он говорил о том, что проверил все карты и все лоции этого района, какие есть на эсминце: наш остров такой маленький, что никто не удостоил его названия. Но Тимоти был прав. Остров действительно расположен среди рифов, которые называются Пасть Дьявола, он как бы замыкает рифы с одной стороны. На следующее утро мы вошли в панамский порт Кристобаль, где была американская морская база, и меня отправили в военный госпиталь, хотя я, по правде говоря, не думал, что в этом есть необходимость. Доктор на эсминце сказал, что я сильный и здоровый. Потом на специальном самолете прилетели из Виллемстада мать и отец. Долгие минуты они не могли говорить, а только держали меня за руки, и я слышал, что мама плакала. Она без конца повторяла:
— « Ох, прости меня, Филип. Прости меня».
Офицеры предупредили их, что я слепой, так что это не было для них шоком. И я знал, что сильно изменился и выгляжу совсем по-другому. Они привели с собой парикмахера, чтобы постричь меня, потому что волосы уже спускались ниже плеч. Мы долго разговаривали.

Стью лежал на кровати, а я пытался рассказать им о Тимоти и о нашей жизни на острове. Но это было очень трудно. Конечно, они слушали, но я чувствовал, что по-настоящему ни один из них не понимает, что же случилось на нашем острове. Четыре месяца спустя в нью-йоркской больнице после бесчисленных рентгенов и анализов мне сделали первую из трех операций. Осколок обгорелого металла, ударивший меня по голове в ту ночь, когда «Хато» пошел ко дну, повредил какие-то нервы. Но после трех операций, когда сняли с глаз повязку, я снова мог видеть. Теперь мне надо постоянно носить очки, но я могу видеть. А это очень важно. В начале апреля вместе с мамой я вернулся в Виллемстад, и мы стали продолжать ту жизнь, которая прервалась в апреле прошлого года. Когда официально сообщили, что я пропал без вести в море, мама снова вернулась на Кюрасао, чтобы быть рядом с отцом. Она во многом изменилась. Теперь у нее и мысли нет о том, чтобы уехать с острова. Изредка я вижусь с Хенриком ван Бове- ном, но это уже совсем не то, как в те времена, когда мы играли в голландцев или в англичан. Он мне кажется слишком маленьким мальчиком. Но зато я провожу много времени в бухте Святой Анны или на деревенском рынке и разговариваю с черными. Мне нравится звук их голосов. Некоторые из них знали старого Тимоти из Шарлотты-Амалии, и я чувствую свою близость с ними. В конце войны мы уехали из Шарлоо и с острова Кюрасао. Отец завершил свою работу. С тех пор каждый свободный час я провожу, изучая карты Карибского моря. Я нашел Ронкадор, Розалинд, Кито-Суэньо и отмели Серанийи. Я нашел остров Бекон и Северный остров, и острова Провиденс и Сан-Андре. И я нашел Пасть Дьявола. Я мечтаю о том дне, когда найму в Панаме шхуну и обследую Пасть Дьявола. Я надеюсь найти одинокий маленький остров, где похоронен Тимоти. Может быть, я не узнаю его, когда увижу. Но я сойду на берег и закрою глаза. И я тотчас почувствую, что это наш с Тимоти собственный остров. Я пойду вдоль восточного берега и выйду на риф. Потом поднимусь на холм, пройду ряд пальм и остановлюсь у его могилы. Я скажу:
— « Разве это не самый вопиющий остров, ох-ох-ох, Тимоти»?

1969 г. (Переработано в 1993 г. и издано под названием «Тимоти, или Риф»).
Иллюстрации Сапожковой Е. и Акатьева А.